

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ОТНОШЕНИИ К ШКОЛАМ[1]
1863

Русские раскольники, имеющие некоторое понятие о рижской общине беспоповцев, представляют себе эту общину идеалом всестороннего благоустройства и желанной свободы.

Из раскольников ближе всех знакомы с рижской общиной московские федосеевцы и беспоповцы поморского согласия, рассеянные по северо-западному краю России, Литве и Царству Польскому.

Общее желание раскольников устроиться во всех частях своего общественного быта по рижскому образцу рождает огромный интерес к ближайшему изучению этой общины, возбуждающей всеобщую зависть.

Эта симпатия рижским порядкам и молва о независимости образования раскольничьего юношества в г. Риге побуждают обратить внимание на рижскую общину, и потому нижеследующие сведения о ней будут, конечно, бесполезны.

Известно, что начало систематическому воспитанию малолетних раскольников в общественных школах положено московским купцом Ильёю Васильевичем Ковылиным в первой четверти текущего столетия. Из истории Преображенского кладбища в Москве мы знаем, что «в одном из зданий этого кладбища было устроено Ковылиным училище, где мальчики с бойкими способностями обучались чтению и письму церковному под руководством наставника Осипова. Потом очередные наставники толковали им катехизис. Образование оканчивалось изучением главных пунктов отличия федосеевского учения от учения православной церкви. Для учеников была открыта кладбищенская библиотека, состоявшая из старопечатных книг и раскольничьих сочинений, которою они пользовались под руководством своих учителей».

Люди, имевшие возможность близко ознакомиться со старыми делами Преображенского кладбища, старались доказать, что «все образование кладбищенской школы было направлено к тому, чтобы внушить детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам» (из истории Преображенского кладбища. л. 44).

Принимая во внимание общие тенденции раскола и исключительную политику покойного Ковылина, нет оснований опровергать сделанный вывод о направлении Преображенской кладбищенской школы в самое цветущее время ее существования.

Познания в науках и искусствах, выносимые воспитанниками из этой школы, вообще были до крайности бедны. О науках, способствующих развитию самостоятельного мышления, в ковылинской школе не было и помина. В ней учили счислению, но и то слегка, настолько, насколько это необходимо по соображению русского лавочника. В искусствах шли тоже очень немного дальше. «Некоторые из членов кладбищенской школы приобретали замечательное искусство писать по-уставному и потом занимались переписываньем богослужебных книг, которые по дорогой цене продавались в конторе кладбища иногородным федосеевским общинам и зажиточным федосеевцам. Другие занимались иконописным искусством и делали копии с древних икон иногда так удачно, что самые знатоки с трудом могут отличить копию от оригинала. Весьма искусно воспитанники умели подделываться и под древние рукописи, изменяя при том и самый цвет бумаги и соблюдая малейшие остатки древности».

В этом заключалось общественное образование в большой ковылинской школе на Преображенском кладбище, и в этом же оно заключалось во всех общинах федосеевского согласия в губерниях: Ярославской, Тверской, Нижегородской, Саратовской, Новгородской, Рижской, Казанской, Симбирской, на Дону и Кубани. Словом, во всех общинах, находившихся во время Ковылина в зависимости от Преображенского кладбища, – и иначе это не могло быть, потому что «все эти общины получали от кладбища наставников и покупали в его конторе свои книги».

В таком положении раскольничья педагогика дожила до воцарения императора Николая, при котором всякое проявление их общественной жизни начало преследоваться со строгостью, от которой раскольники отвыкли во времена Екатерины II и Александра I. Суровые меры, предпринимавшиеся против раскола в царствование Павла

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru Петровича, по кратковременности этого царствования, не стужевали начатков раскольничьего самоуправления в екатерининское время, но при императоре Николае все это пригнулось, спряталось, и к нашим дням не осталось уже ни одной открытой раскольничьей школы; даже и общинно-хозяйственное самоуправление местами вовсе исчезло, а местами замаскировалось так ловко, что изучение его представляет очень много трудностей для каждого человека, имеющего хотя какое-нибудь непосредственное сношение с правительством. Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положению в Остзейском крае и другим более или менее благоприятным обстоятельствам, сохранила до сих пор свое отдельное хозяйственное самоуправление, имеет благолепную каменную молельню с четырьмя «духовными отцами», хором обученных крюковому пению певчих, больницу, домом для призрения дряхлых и общественною подгородною мызою Гризенберг. Но открыто существовавшую до 1829 года школу рижская община утратила. С этого времени и она обходится только секретными школами, устроенными в частных домах и существующими под великим страхом и великою данью у местной полиции.

Держась своего предмета, мы будем касаться прочих частей устройства рижской общины лишь настолько, насколько это необходимо для выяснения положения учебного вопроса. Прежде всего нужно сказать несколько слов о духе самого раскола в общинах рижской и псковской. Это совершенно идет к нашему предмету.

Тем самым, что раскольники Риги и Пскова со времен Екатерины находились в полной моральной зависимости от московского Преображенского кладбища, обыкновенно определяют дух их вероучения. Их до сих пор считают федосеями или федосиевцами, т. е. последователями дьячка Крестецкого яма Феодосия, отделившегося от поморского согласия. Секта федосеевцев в истории русского раскола важна не менее секты поморской, следующей учению даровитых братьев Денисовых, распространявшемуся по России из Выгорецкой киновии. Обе эти секты признают благодать преемственного рукоположения исчезнувшей, считают господствующую церковь еретическою, отвергают духовенство как санкционированное сословие и, следовательно, отвергают возможность самой евхаристии. Разница между поморцами и федосеями главным образом заключается в том, что поморцы допускают брак, освящая его благословением родителей и отца духовного, и молятся за царя «нужды ради» и «страха ради Самарина» – чиновника, производившего некогда следствие в Выгорецкой обители. Федосеевцы же не допускают брака и не только не молятся за царя, но и молящихся за него «поморян» в насмешку над трусостью перед Самариним называют не «поморянами», а «самарянами». Брак здесь отвергается прямо как последствие отвержения священства: «Венчать некому, – говорят, – да и время не то, – антихрист невидимо царствует, и настали дни, в которые не довлеет ни жениться, ни посягать», а за царя не молятся потому, что «он не благоверный», т. е. не старой, не благой веры: «сын ереси», «эллин», и, наконец, просто так не молятся, потому что не в обычае за него молиться. Это «так» замечается и у чистых верноподданнейших поморцев, которые молятся за царствующего государя как «за власть держащую», но за умершего молиться не хотят даже страха ради самаринского. Это одинаково относится ко всем умершим государям: Петру I, Павлу Петровичу, Николаю и особенно уважаемым всеми старообрядцами Екатерине II с Александром I, которых хотя они тоже не хотят назвать «благоверными», но всегда признают «благочестивыми».

Судя лишь по одним этим отличиям учения поморского от учения федосеевского, можно до некоторой степени объяснить себе причины правительственного неблаговоления к федосеевцам; но оснований и смысла преследования скромнейших и верноподданнейших поморцев, обижаемых властью и осмеиваемых за свое «самарянство» своими же братьями – раскольниками других согласий, понять невозможно. Это объясняется только разве крайнею неблаговоспитанностью православного духовенства и отсутствием в правительстве людей, знакомых с духом раскола.

Однако обе главные беспоповщинские секты: поморцы и федосеевцы в течение двух веков подвергались совершенно одинаким преследованиям гражданской и духовной полиции, и даже можно сказать, что наивным петербургским поморцам в предшествовавшее царствование часто доставалось гораздо больше, чем федосеям, московские вожаки которых отлично знали топографию домов некоторых влиятельнейших лиц александровского и николаевского времени.

Мы упоминаем об этом для того, чтобы заметить несообразность огульного закрытия разом всех первоначальных школ в общинах раскольников разных согласий. Мы не имеем основания опровергать заключения, сделанных о духе преподавания в школе Ковылина, где будто бы двумстам мальчикам внушалось «отвращение к церкви и

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru церковникам-никонианам», но позволим себе, однако, указать на раскольничью генерацию, родившуюся при императоре Николае, когда уже не существовало зловредной ковильинской школы, да не было и вообще никаких раскольничьих школ. Генерация эта выросла в круглом невежестве и воспитала в себе сугубое «отвращение к церкви и церковникам-никонианам».

Зная из истории раскола нравственную связь рижских раскольников с московским Преображенским кладбищем, я не мог понять, как возникло у поморцев сочувствие к общине, приверженной к федосеевщине? и, выехав 12-го из Петербурга, не поехал прямо в Ригу, а остановился сначала в Пскове. Здесь, благодаря содействию одного моего товарища, я сошелся с купцом Васильем Николаевичем Хмелинским, человеком весьма здравомыслящим, очень богатым, большим ревнителем раскола и, кажется, несомненным другом властей à la Ковылин. Этот Меттерних «древнего благочестия» ни о ком не говорит худо: ни о православном архиерее, ни о властях, ни о «Колоколе» и его редакторе. У него все хорошие люди и все это выходит так ладно, что, например, и власти, обруганные в «Колоколе», как будто совсем правы, и «Колокол» как будто ни в чем не виноват. Так и до всего. За то г. Хмелинский у всех и в чести, и в милости, и в силе, и даже в славе. У раскольников он столп, за который все стараются держаться и который сами все подпирают. Отец его много пострадал за веру и, спокойно выносив все гонения, удержал своим примером других, изнемогавших под тягостью правительственного преследования. Сын идет дорогою своего отца. Здесь мне интересно было узнать: какой именно раскол держится в пределах псковских и что за учение у рижан. Я, разумеется, ждал встретить федосеевцев. Но при всех моих столкновениях и новых знакомствах с псковскими раскольниками рабочего класса, я не мог добиться: какого они держатся толка? Прямо на этот вопрос ни один из людей, с которыми я познакомился до встречи с Хмелинским, не мог дать мне хотя мало-мальски положительного ответа. Сначала я считал это лукавством, но потом убедился, что безграмотные раскольники, которых немало между псковичами, действительно ничего не знают о своем вероучении и ничего не могут сказать кроме как: «Мы, батюшка, по древнему благочестию». Оставленный в одной простой, весьма многочисленной раскольничьей семье с одними женщинами разных возрастов, я из разговоров с ними убедился, что имею дело и не с чистыми поморцами, и не с федосеевцами. Из всего мною слышанного от женщин выходило что-то странное, ненормальное и непонятное: не то федосеевщина, не то поморство. В Хмелинском я уже встретил человека, способного и, кажется, желавшего не только отвечать на все вопросы, но даже и спорить и совещаться. Благодаря ему для меня стали ясны многие прежде непонятные стороны симпатии поморян учреждениям рижской общины. Оказалось, что самые псковичи и рижане давно уже капитально разошлись с московскими федосеевцами и сблизились с поморством. Сблизение это у псковичей последовало гораздо резче, чем у рижан, хотя и рижане уже называют себя «православными» или «староверами федосиевско-поморского согласия». Но в толковании рижан есть еще остатки федосиевских воззрений на брак, тогда как у псковичей взгляд на брак выработался гораздо чище, чем у самих поморцев. Последнее обстоятельство зависело от быстрого распространения здесь учения приходящего сюда из Пруссии инока Павла, против которого под носом у московской полиции в третьем году собирався в Москве в доме купца Морозова раскольничий собор. На этом соборе эмигрант Павел вел жаркие теологические споры с королевцами (раскольниками, принимающими священство) и препирался о браках с федосеевцами. По уверению одних, он защищался слабо, по словам же других, блистательно доказал чистоту своего учения. Но как бы там ни было, секретный собор, собиравшийся на Павла, не только не уронил его значения, но даже содействовал быстрейшему его успеху в общинах многих поморян и федосеевцев. Федосеевцы, убеждаясь учением Павла, во многих местах начали признавать брачную жизнь нравственною и, следовательно, таким образом возвратились в лоно того же чистого поморства, от которого их оторвала распря дьячка Феодосия. Рижане же, до которых не дошло павловское учение, остаются при прежней смешанности федосеевских и поморских понятий о браке. Они допускают брак «по слабости человеческой», и акт обручения у них совершается в моленной при участии духовного отца, но женатый человек и замужняя женщина со дня своего брака теряют право молиться со всеми вместе, не могут стоять на клиросе и вообще как бы пребывают под вечною епитимиею, что, по толкованию чистых федосеевцев и поморцев, равно отлучению от церкви. А под старость некоторые из них нередко заявляют намерение перейти «в девство», т. е. муж с женою прекращают всякие супружеские сношения и даже иногда расходятся жить в разные дома. Всего чаще в таких случаях муж поселяется в богадельню, а жена остается дома. Это единственный остаток федосиевского духа в рижанах. Неразлучным спутником федосеевского духа идет и своя доля федосеевского лицемерия. Так, напр<имер>, девственник, отправляясь в субботу в баню, заходит к жене «за венником» и

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru остается с нею наедине, сколько ему угодно, занимаясь, чем угодно им обоим. Над этим смеются вообще все поморцы и особенно поморцы, наученные Павлом, поборником чистейшего брака и вообще чрезвычайно нравственным проповедником. Но уж где есть федосеевская мысль, там всегда есть и всякие ухищрения, оправдывающие или по крайней мере покрывающие «свободу восхождения жен на ложе мужское». Следов же какого бы то ни было тайного вредного учения я не заметил во Пскове и знал хорошо, какого сорта люди будут моими новыми знакомыми в Риге.

Затем стояло на очереди дело о школах. Нет никакого сомнения, что в Пскове есть секретные школы, но мне их не удалось видеть, по причине неожиданного отъезда Хмелинского в Петербург. К тому же необходимость расспросов о самом духе псковского и рижского раскола, может быть, несколько вредила мне в мнении самого Хмелинского, хотя он, кажется, совершенно мне верил, водил в свою домашнюю моленную, принимал бесцеремонным гостем и подарил два тома сочинений Павла. Эти две книжки, напечатанные в Пруссии и привезенные контрабандою в Россию, были для меня дорогим приобретением. Они дали мне возможность близко познакомиться с замечательною личностью Павла и духом его учения.

Открыто существующих школ в Пскове было две; одна, весьма значительная, в доме купца Пыляева, а другая неподалеку от бывшей на берегу реки Псковы моленной, обращенной впоследствии под солдатскую музыкальную школу; но оба эти училища около 20 лет назад по распоряжению правительства закрыты или, как выражаются псковичи, «разорены властью сильных и безбожных». О преподавании, бывшем в этих школах, прямым путем узнать было ничего невозможно. Говорят одно, что «учили азбучке, цифирю», арифметике, часослову, петь по цолям (по солям), да и только. Два-три человека, с которыми я сошелся довольно близко, тоже ничего более подробного мне не сообщили. Оставалось одно средство: сходить с состарившимися учениками уничтоженных правительством школ и с женщинами и «мастерицами», т. е. учительницами. В этом мне вполне посчастливилось. Но ни из самого близкого и самого бесцеремонного знакомства с бывшими учениками уничтоженных школ, ни из книг, по которым учились молодые женщины теперешнего поколения, я не видел, чтобы в псковских школах все образование было направлено к тому, чтобы «внушать детям отвращение к церкви и церковникам-никонианам». «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» существует у псковских раскольников в той самой мере, в какой эти чувства питают все беспоповщинские староверы поморского согласия; но это отвращение в молодых сердцах воспитывается вовсе не в школах, а в самой жизни. Несмотря на то что здесь, как и везде у раскольников, при обучении детей употребляются учебники, не одобренные правительством, в этих учебниках нет ничего возбуждающего неприязненные чувства к господствующей церкви. Это – буквари секретной печати (издаваемые в Польше, Познани и в какой-то казенной или, скорее может быть, в синодской типографии, не то в Москве, не то в Петербурге), старые часословы и старопечатные псалтыри. Буквари секретной печати почти сходны во всем с букварями, издаваемыми по распоряжению Синода для обучения грамоте детей раскольников, приписанных к единоверческим церквям. Даже некоторые учат детей и по букварям единоверческим. Что же касается до псалтыри и часословов, то, разумеется, они отличаются от употребляемых в господствующей церкви только несколько большим несовершенством перевода и тяжестью языка дониконовского времени. Никаких полемических выходов, никакого задора, порицания и глумления против учреждений господствующей церкви там нет, да и быть-то не может. «Отвращение к церкви и церковникам-никонианам» внушается раскольничьим детям прежде всего дома, матерями да бабушками, реже отцами родными и еще реже отцами духовными («батьками»). Потом смутно понимаемая ребенком разница «древлего благочестия» от «новой веры» сознается им яснее при виде стеснений и гонений, воздвигаемых никонианами против «древлего благочестия». И затем уже сильное чувство бессильной ненависти воспитывается многочисленными сочинениями по истории преследований, предпринятых в течение двухсот лет для подавления невинного фанатического заблуждения. Этих сочинений, и печатных, и писанных уставом и полууставом (в чем искусны не одни ученики ковылинской школы), весьма много, и они-то доканчивают дело русско-христианского разъединения. Школы здесь ровно ни при чем. Весь процесс систематического озлобления раскольничьего юношества начинается для него до школы и оканчивается за нею. А чему учат в школах, то, снова повторяю, нимало не способно «внушать отвращение к церкви и церковникам-никонианам», да и книг таких, по дороговизне их, в школах нет, и учителя, выбираемые из «простецов» и людей самых плохоньких, слишком слабы, чтобы заниматься такой пропагандой. Кроме букваря, часовника и псалтыря, начал счисления, крюкового пения и письма уставом, ничему не учили в уничтоженных правительством псковских школах и ничему не учат у нынешних «мастеров» и «мастериц». Псковские раскольники очень сильно мечтают о разрешении им учредить

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru для своих детей отдельную школу, но у них нет никакого определенного представления о том, как учредить эту школу и чему в ней обучать. При всех условиях поставить псковского поморца в необходимость дать более или менее ясный ответ о его соображениях насчет школы, можно добиться только одного, что школа должна быть отдельная, что раскольники не могут позволить своим детям мешаться с «нововерами» и что их детей нужно учить непременно по старым книгам. А учить «по старым книгам», как я уже сказал, это значит учить букварю, псалтырю да часовнику. Раскольники вообще очень любят вздыхать и плакаться на свое невежество, ставя его, разумеется, в прямую вину правительству и духовенству господствующей церкви; но, в сущности, и у них самих-то не замечается ревности к образованию своих детей. «Всему надо бы, говорят, учить понемножку; много нам не требуется по нашему сословию, а понемножку бы следовало». Живая русская сметка вслух подсказывает хранителю «древлего благочестия», что непроглядная тьма фанатического заблуждения и нелепого буквоедства не выдержит животворящих лучей просвещения. Раскольник страшно боится этого света. Он желает выбрать из массы научных знаний для своего юношества исключительно лишь те, которые бы дали молодому раскольничьему поколению средства быть поспособнее к ловкому обделыванию дел с людьми современного развития, но самого человеческого развития раскольник ужасается более Страшного суда и даже более потери полтинных барышей на рубль, дающих средства покупать продажную совесть «случайного человека». Можно утвердительно сказать, что если дело школ предоставить самому «древлему благочестию», без педагогической инициативы министерства народного просвещения, то в этих школах будут учить только тому же букварю, часовнику и псалтырю, да разве прибавят малую часть арифметики, так как это нужно по торговой части, и еще, пожалуй, научат немецкому языку, потому что он также нужен по торговой части. Но ни географии, ни истории, ни, Боже упаси, физике и другим естественным наукам ни за что учить не вздумают, так как все это, по их мнению, вовсе не нужно. Да не говоря об этих науках, даже все мои усилия доказать необходимость изучения ребенком библейской истории прежде скучного часовника и вдохновенных, но непонятных ребенку поэтических воздыханий Давида обыкновенно оставались безуспешными. У них есть несчастный, чисто католический взгляд, что «рабу» вовсе не нужно знать евангелия и даже «не достоин чести его в доме», а ему следует только молиться, и поэтому часовник с псалтырем нужнее всего.

В Пскове есть один духовный отец («батька»), живущий под секретом и служащий, как мне кажется, в небольшой, но прекрасной домовой молельне Хмелинского, ибо общественная молельня тоже правительством уничтожена. Я не мог побеседовать с этим отцом, потому что его не было в городе. В среде же его паствы (не говоря о Хмелинском) я встретил невежество, поражающее, ставящее в тупик и преисполняющее глубокого сожаления к этим людям, бродящим с непроницаемою повязкою на глазах. Ни истории Ветхого Завета, ни новозаветных событий, ни истории собственного раскола и разницы его с другими ветвями староверства почти никто не знает. «Мы по-старому», да и все тут. Вот образчик, до чего простирается здесь раскольничье невежество: мне удалось сойтись с одним здешним умником, начетчиком, человеком лет 40 или 45. С первого взгляда мне показалось, что я имею дело с узколобым фанатиком, зачитавшимся так называемых в древнем благочестии «толстых книг». Умник тотчас начал вызывать меня на решение теологических вопросов, разумеется, давно решенных им по его «толстым книгам», и срезал меня. Говорили мы о Никоне, о сугубой аллилуйе, о имени Иисусовом, — во всем я оказался сведущим. «Ну да, — говорит мой искушатель, — а что как вы о мирском имени Христовом разумеете?» После моих усилий разъяснить себе предложенный вопрос, оказалось, что у Христа есть еще какое-то мирское имя. Я говорю: Иисус.

— Ну это одно.

— Христос.

— И это так, а еще?

— Еммануил, еже есть сказуемо с нами Бог, — говорю я.

— Нет, мирское-то, мирское? — добивается мой умник. Ничего я не мог придумать и, сознавая свою несостоятельность, просил открыть мне это мирское имя Иисуса Христа. Оказалось, что, по сведениям моего экзаменатора, Христа звали еще «Яковом». Отчего же это? Где на это указания? Да очень просто. В тропаре поется: «яко бо прославися», из этого сделано «Яковом прославился». Впоследствии я слышал это сказание еще от двух крестьян, из которых один был прядильщик из Орловской губернии. К довершению должно сказать, что со времени уничтожения школ

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru в среде псковских раскольников завелось много безграмотных, и если бы здесь не Павел со своим апостолом Хмелинским, то псковская община, кажется, давно была бы способна выкинуть такую же штуку, какую отлили тысячи пермских поморцев, обращенных одной бабой из брачащегося поморства в безбрачную федосеевщину. Продажность и неспособность полиции, благодаря которым умный инок Павел может навещать покинутое отечество, произвели противное. В Пскове брачатся, молятся за царя и даже нелицемерно его любят, говорят о нем со слезами, но ждут от него очень многого и прежде всего полной свободы совести, молелен, школ и прочего.

О предметах преподавания, как я уже сказал, мне было нечего говорить, и я стал заводить речь об учителях. На этот предмет у раскольников взгляд очень ясный, и они здесь показали себя людьми довольно сговорчивыми. Прежде всего им, разумеется, желательно иметь в своей начальной школе своего (т. е. раскольника же) и учителя. Но рядом систематически приведенных доказательств, что у них нет людей, способных выдержать экзамен хотя бы на звание приходского учителя, а без экзамена учителя нельзя допустить, мне удалось вызвать их на раздумье. Конечно, прежде всего вышло, что это не их вина, что «это все власть наделала», но когда я, устраняя причины, ставил только факт, существование которого изменить уже нельзя и с которым, однако, надо что-нибудь поделать, то высказалось такое мнение: «Учителя можно принять и православного, лишь бы по нашему выбору, а попа чтоб духу не было».

Так как это мнение сильно поддерживает Хмелинский, то я не сомневаюсь, что этого же мнения будет держаться вся псковская и все окрестные общины, и будут они этого держаться с той же настойчивостью, с какою они при отце своего патрона держались веры, которую в то время мучили. О соединенных же школах вместе с православными здесь и слышать не хотят и наотрез говорят, что «детей не пустим». По моему мнению, о таких школах нечего даже и думать. Это будет новая прибавка к длинному ряду печальных полумер, раздражающих народные инстинкты и возбуждающих ропот и неудовольствие в людях, преданных правительству и ожидающих от него великие и богатые милости. Впоследствии я еще более убедился в этом не только из столкновений с раскольниками, но и из разговоров с генералом Ливеном и жандармским полковником Андреяновым.

Этим оканчиваются мои разведки в Пскове, который я по счастливой догадке сделал преддверием моего вступления в немецкий город русского царства.

Раскольники считают в Риге около десяти тысяч беспоповцев поморского согласия. Это единственный остаток повсюду скрытого и запаханного староверского общинно-хозяйственного управления. Рижский штаб-офицер корпуса жандармов, между прочим, объясняет крепость здешних общинных учреждений тем, что в Лифляндии со стороны гражданского начальства не было заявлено особенно ревностного содействия духовенству к искоренению раскола. «Эта мера, – говорит полковник Андреянов о взаимодействии светской и духовной властей по преследованию раскола в Лифляндии, – менее чем где-либо достигается, ибо представители власти повсюду неправославные, не питающие никакого сочувствия к православию, напротив, – сострадающие по принципу веротерпимости лютеранской церкви раскольникам, людям промышленным, трудолюбивым и воздержанным».

Я не имею довольно дерзости, чтобы сомневаться в основательности соображений, изложенных рижским жандармским штаб-офицером, но не могу не указать на раскольников г. Дерпта. Они живут среди того же самого веротерпимого и сострадающего угнетенным за веру людям лютеранизма, среди которого живут и рижские раскольники, но давно утратили самостоятельность, и поныне чудесным образом сохраненную рижанами. Конечно, лютеранское равнодушие к доходам приходского духовенства, консисторий и архиерейских контор господствующей церкви значит очень немало, но одним лютеранским индифферентизмом и веротерпимостью вряд ли возможно объяснить сверхъестественное сохранение рижской общиной всех принадлежащих ей ныне прав и всех ее учреждений.

Благодаря тому что в настоящем случае нет надобности выяснять и доказывать все соображения насчет чуда, представляющегося нашим глазам в виде рижской раскольничьей общины, я только считаю нужным упомянуть еще, что в этой общине есть довольно свободное и весьма нелепое хозяйственное управление, свой независимый от правительственного контроля капитал, растрачиваемый нередко весьма глупо и гнусно, по произволу выборного попечителя, распоряжающегося этим

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru капиталом с патриархальным деспотизмом, разное недвижимое имущество, представляющее живой образец страшной безалаберности русского общинно-хозяйственного управления, четыре отца; около тридцати человек певчих, множество всякого «Божьего благословения» и содомская бездна содомской мерзости, дьявольского бесстыдия и человеческого нечестия. Засим, нимало не распространяясь, как орудует всем этим рижская община, возвращаюсь к школам.

Той школы, которой так завидуют петербургские поморцы и с которою я должен был знакомиться в Риге, здесь вовсе нет, да нет здесь вообще и никакой школы, дозволенной правительством. Смотри на эту большую и сильную десяти тысячную общину с официальной точки зрения, выходит, что у нее с 1829-го года не было никакого общественного учения, ибо с этого года и школа, существовавшая при гребенщиковском заведении, и частная школа Дмитрия Трофимова Желтова закрыты, а вместе с тем и строго запрещено кому бы то ни было заниматься обучением раскольничьих детей в отдельном помещении. С тех пор правительство было успокаиваемо, что тринадцать тысяч его русских подданных, поселенных между немцами, не имеют ни одной русской школы и коснеют в чудовищном невежестве в срам и поношение русского имени. Во все время управления Остзейским краем князя Суворова в Риге не было ни одной раскольничьей школы, а в смешанные школы старожилы не посылали своих детей и учили их кое-как, по два, по три. В существе, раскол от этого ничего не потерял, потому что дети более или менее состоятельных родителей в это время выучивались тому же самому, чему учили в гребенщиковской школе; но, кроме того, в это же время молодые раскольники приняли двойную дозу снадобий, возбуждавших ненависть к притесняющему их правительству и презрение к усердным исполнителям его суровых велений. Бедность же, которую в прежнее время, по местному выражению, «подбирали с улиц в гребенщиковскую школу» и которую забирал простосердечный, честный и нынче в самой даже Риге всеми позабытый Дмитрий Желтов, осталась на улицах русского предместья, рассыпалась по рвам, мостам, кабакам и публичным домам. Современо с закрытием гребенщиковской школы в «винкерах» русского форштата двенадцатилетние и даже десятилетние русские девочки начинают во весь развал заниматься проституцией; проезд по форштату затрудняется массою воруемых мальчиков; дети устраивают воровские артели; полиция под предводительством полицмейстера Грина на них несколько раз охотится; детей ловят, и они поступают под опеку правительства, по распоряжению которого их записывали в кантонисты, а в канцелярии генерал-губернатора растет толстое «дело по предложению об уничтожении в Риге праздновательства малолетних детей, именуемых карманщиками» (началось 11 июля 1849 года и окончено 23 августа 1857 года, по описи № 151-й). Наконец, голодные и беспризорные мальчики начинают заниматься торговлей, неслыханной в русском народе: является педерастия. Когда я сказал, что русское предместье Риги полно содомской мерзости, я не был ни под каким увлечением, и теперь, говоря, что вся эта мерзость находится в непосредственной связи с закрытием школ, в которых учились раскольники, я говорю только правду. Если же я сколько-нибудь ошибаюсь в этом, то уж наверно ни на волос не ошибаюсь в том, что при открытии существующих школ рижцы не находили бы нынешнего самоуслаждения показывать на пьяное молодое поколение «древнего благочестия», в десятилетнем возрасте развращенное до конца ногтей и до ран первичного сифилиса. По крайней мере, тогда нельзя было бы, указывая на безвременное растрепанье и гибель детей, приговаривать: «Вот до чего нас довело правительство!», а продолжение Иродовой работы по избиванию младенцев пришлось бы частью брать и на себя, на совесть пресловутого общественного попечения.

Излагаем засим, что нам стало известно из дел генерал-губернаторского архива и их рассказов рижских старожил об уничтоженной правительством школе при гребенщиковском заведении.

Раскольничья школа существовала в Риге при так называемом гребенщиковском заведении, где она помещалась вместе с больницей, приютом для требующих общественного призрения, большою молельною, певческой и кельями духовных отцов. Заведение это в то время состояло в ведомстве Рижского приказа общественного призрения, школа на общих основаниях подчинялась надзору местного директора училищ, а учителем в ней был шкловский мещанин Емельянов, обучавший детей чтению, письму и арифметике.

Из представления рижского гражданского губернатора г. Егора фон Фелькерзама генерал-губернатору барону Палену от 15-го августа 1830 года за № 72-м видно, что «мещанин Дорофей Дмитриев Емельянов имел от губернского директора училищ свидетельство, выданное 28 сентября 1828 года за № 649-м, на право преподавания

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
в первоначальной школе».

Правительство не обращало на эту школу никакого внимания со дня ее основания, почти современного основанию самого гребенщиковского заведения, до 1830 года, и история школы во весь этот спокойный период вовсе не занимательна. Наибольший интерес она представляет не как педагогическое учреждение, а как приют, в который «подбирали с улиц» бедных детей. В ней учили чтению, письму да арифметике и потом обученных всему этому мальчиков пристраивали в лавки к торговцам или в ученики к ремесленникам, а из голосистых формировали хор для молитвенного пения. Из разговоров с бывшими учениками гребенщиковской школы, из которых иные уже оставили раскол, я убедился, что в этой школе, а равно и в школе Желтова, была та же программа, что и в псковской школе. Умнейшие из раскольников, способных мало-мальски оценить достоинства этих школ, не выражают никакого сочувствия ни к их курсам, ни к методам преподавания. Но и они неутешно сетуют о ней, как об учреждении, чрез которое ныне погибающие «карманчики» все-таки могли делаться людьми, способными зарабатывать кусок хлеба простым, мало благодарным и очень тяжелым, но честным трудом. О какой-нибудь политической пропаганде или о стремлении внушить ребенку в школе ненависть к господствующей церкви, как было будто у Ковылина, здесь и не помышляли, а учили своим «оксиям» да «овариям», пока сами не получили последней конечной аварии.

Как и с какого повода в Петербурге вспомнили о рижской гребенщиковской раскольничьей школе, я не мог добиться в делах рижского генерал-губернаторского архива. Старик П. А. Пименов, служащий нынче попечителем, говорил мне, что обществу вздумалось, будто бы, попросить правительство не то о субсидии для школы, не то о расширении ее программы, и эта-то просьба и была причиной гибели школы. В какой степени это верно, отвечать не могу, но как бы там ни было, а из дел архива видно, что Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор и попечитель Дерптского учебного округа барон фон дер Пален в августе 1830 г. нашел себя обязанным «довести до Высочайшего сведения: с чьего дозволения заводит школы совет Рижского старообрядческого общества? Какие учителя находятся в означенных школах? И имеют ли они законное на то право?»

Барон Пален, будучи попечителем учебного округа, в котором находилась школа, нашел сообразным затребовать нужные ему о ней сведения от рижского гражданского губернатора Егора фон Фелькерзама. Г. фон Фелькерзам, хотя и не обязан был ведать дела школы ближе попечителя, отрапортовал ему, однако (15-го августа 1830 г. № 72), что «совет Рижского старообрядческого общества ныне вновь никаких школ не заводит, а содержит школу при молельне и богадельне своей с самого основания последних, в которой воспитанием детей руководствуется назначениями, изображенными в правилах, утвержденных 20 февраля 1827 г. предместником барона Палена для управления богадельни, больницы, сиротского отделения и школы Рижского старообрядческого общества, гл. 12, ст. 22, § 114–125 о сиротах, новорожденных и подкидышах и гл. 13, ст. 23, § 125–140 об обязанностях учителя, с которых (очевидно, не с обязанностей, а с правил) выписка представляется».

Вот выписка из этого интереснейшего и редкого документа:

ВЫПИСКА

Из правил на управление богадельни, больницы сиротского отделения и школы рижского старообрядческого общества, утвержденных 20-го февраля 1827 года

Глава двенадцатая

Статья 22

О сиротах, подкидышах и новорожденных

§ 114

«Принимаемых в богадельню воспитанников до 8-летнего возраста распределять между богаделенными женского пола, наиболее здоровыми и хорошего поведения, внушая им за ними иметь бдительное смотрение, радея об них, как то родители о своих собственных детях, учинить обязаны со всею осторожностью и человеколюбием. О таковых принимаемых воспитанниках равным образом объявлять каждый раз полиции и сверх того вести об них с большею точностью книгу, замечая в оной, какого именно они вероисповедания».

§ 115

«Новорожденных от женщин, принимаемых в богадельню беременными, оставлять при матерях. Как о сем, так и вообще о принимаемых новорожденных не токмо вести особый список, но и объявлять об них полиции с показанием, какой религии их родители, если оные известны».

§ 116

«По староверскому обряду можно воспитывать таких только детей, коих родители принадлежали к старой вере, всех же прочих детей по тем религиям, в коих состояли родители их. Если же о родителях будет неизвестно, в таком случае младенцев крестить и воспитывать по обряду греко-российской церкви».

§ 117

«Если разрешившаяся от бремени женщина тотчас после родов желает оставить богадельню, то обязана новорожденное дитя свое взять с собою; если ж желает остаться в богадельне на время и до отнятия дитяти от груди, то сие дозволять ей можно, но по прошествии такого времени, и если она здорова, то должна, по крайней мере, сама выходить из богадельни для снискивания себе пропитания своими трудами, а малолетнее дитя, буде брать с собою не желает, воспитать в богадельне и отдавать на попечение одной из богаделенных наиболее здоровой и хорошего поведения».

§ 118

«Всех сих сирот снабжать от богадельни всеми потребностями».

§ 119

«Воспитательницы, попечению коих таковые малолетние сироты вверяются, не токмо не должны их пренебрегать или изуродовать, но напротив того, с материнскою любовью пещись об них, как были бы их дети собственные, всякий день поутру и ввечеру до почивания умывать им лице и руки, а поутру вычесывать им волосы и вообще содержать их в чистоте и опрятности, белье переменять еженедельно, а если понадобится, и чаще и смотреть, чтоб платье и обувь всегда были целые и чтоб младенцы не ходили босиком, особливо на двор или на улицу. Наблюдение за сим возлагается и на попечителя».

§ 120

«По достижении двухлетнего возраста каждому дитяти прививать предохранительную оспу в назначенное к тому врачом время, не оставляя отнюдь никого из оных без прививания, предпринимая оное и с теми, кои поныне выше тех лет и привиты еще не были или же не имели натуральной оспы».

§ 121

«Для изучения прививания предохранительной оспы тотчас выбрать одного или двух оказывающихся к тому способными из прислужников богадельни и отдать таковых для изучения к врачу или же определить для сего изученного прививанию по испытанию и назначению врачом».

§ 122

«Привитых оспою перемещать в особую комнату, отдельно от всех прочих здоровых и еще не привитых, дабы последние от первых не были заражаемы».

§ 123

«По достижении младенцев обоого пола восьмилетнего возраста отдавать их в школу для обучения чтению, а младенцев мужского пола и писанию, и арифметике, по крайней мере первых пяти правил или специй» (?!).

§ 124

«По достижении двенадцатилетнего возраста обучать их в религии, заставляя их

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru несколько часов каждодневно читать Священное писание и обучать во всех отношениях различать добро от зла; истолковывать им несчастные последствия от злых, а хорошие от добрых деяний и, предостерегая от первых, соделать их тем полезными гражданами и сочленами гражданского общества. Сверх того, таковых, достигших 12-летнего возраста, отдавать купцам для обучения торговле, или к ремесленникам, или к земледельцам, или же во услужение, чтоб, с одной стороны, они могли приобрести познания, нужные для полезного общежития и приобретения промышленности, а вместе с тем и обеспечивающие их будущее существование; с другой же стороны, чтоб заведение освободилось от содержания не нуждающихся более в пособии».

Глава тринадцатая

Статья 23

Об обязанностях учителя

§ 125

«Учитель имеет обязанность наблюдать, чтобы все в предыдущих параграфах назначенные правила насчет содержания малолетних сирот и детей были выполняемы со всею точностию».

§ 126

«Он, как учитель и воспитатель юношества, должен пещись об образовании оного прилежным обучением и внушениями нравственных и человеколюбивых правил и тем соделать их полезными сочленами гражданского общества».

§ 127

«Ни одно дитя без матери или воспитательницы не должно быть выпускаемо из заведения, и за сим смотреть и строго наблюдать учителю».

§ 128

«Школьники должны являться в школу, кроме праздничных и воскресных дней, каждодневно по утрам с апреля месяца и по октябрь в семь часов, а с октября месяца и по апрель в восемь часов; пополудни же в час и пробыть в школе до полудня по двенадцатый час и пополудни до седьмого часу.

Если ж школьники будут не из богадельных жителей, в таком случае время прихода их в школу остается вышеназначенное; для выхода определяется: с апреля по октябрь в 5 часов, а с октября по апрель в 4 часа вечера».

§ 129

«Учитель должен вести верные списки не токмо ученикам своим, но и всем детям, находящимся в богадельне, не достигшим еще учебного возраста, не касаясь в том до обязанности попечителя, ведущего по себе списки о всех жителях, в богадельне и больнице находящихся».

§ 130

«По достижении из малолетних осьмилетнего возраста он настаивает об отдаче их в школу для обучения».

§ 131

«В школе дети мужеского пола не должны сидеть вместе с таковыми же женского пола, а иметь каждому полу особые скамейки. Равномерно не должны и жить вместе, а иметь каждому полу свои отдельные покои».

§ 132

«Каждый раз по приходе в школу и по окончании учения учитель с учениками своими совершает молитву по обряду христианства».

§ 133

«Дети должны обучаться в означенных науках по § 123 сего положения, дети же женского пола в свободные часы и в рукоделиях».

§ 134

«Из обучающихся в школе детей, подчиненных во всем учителю, без ведома его никто ни в какое время из заведения отлучаться не смеет, и в том даже попечитель не должен употреблять своего влияния, ибо за поведение школьников отвечает один учитель».

§ 135

«В свободные от учения часы и в хорошую погоду он сам водит их на прогулки, но наблюдает, чтобы шли смирно и тихо и никто никуда не отлучался».

§ 136

«К родственникам никого из обучающихся детей не отпускать иначе, как ежели сами родственники придут за ними, и то только в праздничные дни и с дозволения учителя».

§ 137

«По окончании наук как учителя, так и попечители стараются приготовленных детей отдавать к добрым хозяевам во услужение, кто к чему способным окажется, с подпискою, что принимаемых к себе во услужение употреблять будут в честные и добрые занятия и удерживать от всяких непозволительных поступков».

§ 138

«Выпуск детей разрешает совет и записывает всякий раз в журнал, в который и заносит имя взявшего кого к себе во услужение».

§ 139

«О каждом выпуске, как равно и о каждом новорожденном и подкидыше от совета в тот же день посылается объявление в полицию с испрошением для последних узаконенных видов».

—

Не могу объяснить, какие соображения возникли в Петербурге по поводу представления, сделанного бароном Паленом после собрания этих сведений, но в июле 1832 года попечителем Дерптского учебного округа получена из министерства народного просвещения бумага следующего содержания:

«Г. министр внутренних дел, по Высочайшему Государя Императора повелению, по делу о рижских раскольниках и их заведениях, сообщил мне, что раскольническая школа в Риге не может существовать в настоящем ее положении, ибо учреждена в противность начал, на коих заведены народные школы, и управляется учителем из шкловских мещан, раскольником, между тем как постановлением 1820 года воспрещено выбирать из раскольников в общественные должности, а потому еще менее можно допустить раскольнику быть наставником юношества, чтоб вследствие сего я принял меры закрыть оное училище на основании изданных по сему предмету узаконений и не иначе дозволил учредить вновь школу в Риге, как по уставу уездных и приходящих училищ, 8 декабря 1828 года Высочайше утвержденному, хотя оный устав и не распространен на Дерптский учебный округ, но приличнее уравнивать школу сию с другими подобными в государстве, ибо она может быть в Риге и даже во всем округе одна такая школа».

К сему г. министр внутренних дел присовокупляет, что «находящиеся в означенной раскольнической школе малолетние круглые сироты мужского пола, как могущие остаться без призрения, вследствие Высочайшего повеления будут определены в Рижский батальон военных кантонистов».

«Во исполнение сего Высочайшего Его Императорского Величества повеления

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru покорнейше прошу ваше превосходительство сделать надлежащие распоряжения о закрытии существующей в Риге раскольнической школы и о недозволении вновь учредить школу в Риге иначе, как на основании Устава уездных и приходских училищ, 8 декабря 1828 года Высочайше утвержденного, не допуская ни под каким видом, чтоб учителем в оной был назначен раскольник». Подлинное подписал: министр народного просвещения генерал от инфантерии князь Карл Ливен (23 июня 1832 года № 742).

Барон Пален как генерал-губернатор и попечитель учебного округа возложил исполнение этого распоряжения на того же губернатора фон Фелькерзама.

Г. Егор фон Фелькерзам взялся за дело энергически и 17 октября 1832 года (№ 281) донес попечителю следующее:

«Во исполнение сей Высочайшей воли бывшая прежде раскольничья школа закрыта, и старшины здешнего старообрядческого общества на общем совещании сего предмета в присутствии губернского директора училищ и рижского полицмейстера изъявили готовность устроить означенную школу на точном основании вышеприведенного устава и представить в оное учителя не из раскольников к губернскому директору училищ на испытание.

Как исполнение сего со стороны их замедлилось, то я 24 минувшего сентября предписывал рижскому полицмейстеру понудить старшин к исполнению их обещания с тем, что если в течение 8 дней оно не будет исполнено, то подвергнутся строгой ответственности.

Ныне попечители убогого заведения рижского старообрядческого общества представляют мне, что общество отказало в выборе учителя в их школу не из раскольников потому, что, якобы, не имеет способов производить ему нужное содержание и определило закрыть лучше сию школу вовсе.

А как учреждение сей школы на основании устава уездных и приходских училищ и определение в оную знающего учителя не из раскольников требуются по Высочайшей воле, то от меня предписано вместе с сим рижскому полицмейстеру объявить старообрядческому обществу, что если они сами не изберут такового учителя, то он будет назначен в школу по выбору губернского учебного начальства, а именно на их счет, потому что школа сия учреждается единственно для их и общества, в таком случае будет сделана на них раскладка».

Но энергия ливляндского губернатора, столкнувшись с непреклонностью русского раскола, не имела желанного в Петербурге успеха. Дело тянулось; барон Пален настаивал на немедленном выполнении петербургских требований у г. Егора фон Фелькерзама, г. Егор фон Фелькерзам в свою очередь понуждал полицмейстера, а полицмейстер подпоривал общественных старшин, и, наконец-то, 18 ноября 1832 года последние подали полицмейстеру нижеследующее требуемое покорнейшее объяснение:

«Его высокоблагородию, господину рижскому полицмейстеру подполковнику и кавалеру Ивану Павловичу Вакульскому 2-му

от попечителей убогого и больничного заведения Рижского старообрядческого общества требуемое покорнейшее объяснение.

Ваше высокоблагородие изволили требовать, чтобы мы объяснились о том, сколько в случае, если наше старообрядческое общество желает иметь школу в нашем убогом заведении, можно определить на покупку книг, жалованье учителю, ежегодное содержание и прислугу особую, приличную для учителя квартиру и чем можно обеспечить впредь такой доход.

Ссылаясь на поданное уже 14 октября его превосходительству господину ливляндскому гражданскому губернатору покорнейшее представление, имеем мы честь представить Вашему высокоблагородию еще следующее:

Для исполнения вышеписанного Вашего требования созывали мы еще 24 октября и 16 числа сего ноября членов старообрядческого общества и, сообщив им упомянутое требование, приглашали их объявить свое намерение касательно содержания школы в сем убогом заведении с объяснением или назначением: из каких источников можем мы получить нужные средства на исправление вышеозначенных расходов к содержанию

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru школы и учителя, как поступающие в сие убогое заведение добровольные подаяния имеют назначенной целию единственно призрение и продовольствие содержимых в сем заведении убогих и больных и недостаточны даже на сии необходимые потребности; бывшее же доселе в сем заведении обучение членов старообрядческого общества и вероисповедания нескольких бедных старообрядческих детей первоначальным основаниям грамоты по древнепечатным духовным книгам происходило из усердия безденежно, не причиняя сему убогому заведению дальнейших расходов».

На сие бывшие в собраниях члены старообрядческого общества, ссылаясь на изложенные уже в вышеупомянутом нашем представлении его превосходительству от 7 октября обстоятельства, объявили, что «если не благоугодно будет высокому начальству дать или исходатайствовать нам в вышнем месте позволение продолжать в сем убогом заведении обучение грамоте старообрядческих детей избираемым из сего же общества и вероисповедания членом в силу Высочайшего указа от 8 декабря 1828 года под надзором губернского господина директора училищ по-прежнему безденежно, и изображенным уже в представлении нашем образом и порядком, то старообрядческое общество не желает вовсе иметь в нем школу на ином основании, а для обучения детей своих грамоте и наукам будет пользоваться предоставленными каждому сословию и партикулярным лицам способами: посылать детей своих по удобности для каждого обывателя в рассуждении жительствова и других обстоятельств в народное Екатерининское и другие общественные училища и в партикулярные школы.

Сверх же сего будем мы посылать и находящихся в сем убогом заведении до десяти сырых детей для первого обучения грамоте в приличную из состоящих в здешнем месте школ.

Имея честь донести о сем по требованию Вашего высокоблагородия, с высокопочитанием пребываем,

Вашего высокоблагородия

покорнейшие

попечители старообрядческого убогого заведения:

Иван Игнатий Лисицын

Андрей Семенов Пуговишников

Павел Данилов

Никон П. Волков

Павел Егоров Леонтьев.

Рига, 18 ноября 1832 года».

Обстоятельство это поставило губернатора г. Егора фон Фелькерзама в положение довольно затруднительное. Он не выразил никакого собственного мнения, что бы следовало сделать в настоящем случае, а предоставил приведенное мною «требуемое покорнейшее объяснение» барону Палену (24 ноября 1832 года № 292) «на благоусмотрение», докладывая, что он, г. Егор фон Фелькерзам, будет иметь честь ожидать предписания.

Конец концов был тот, что, не стесняясь правилами, утвержденными для рижской общины генерал-губернатором маркизом Пауллуччи, школу гребенщиковского заведения закрыли, а новой, устроенной сообразно общим правилам, раскольники не приняли.

Результаты этого распоряжения были многообразны и многообильны самыми разнообразными последствиями. Раскольники, разумеется, обманули правительство, уничтожившее их школу и предложившее им завести другую с православными учителями. Чтоб отвязаться от докучных придирок, раскольники обещали посылать детей в общие школы и не посылали их туда. Шесть-семь человек, так сказать, раскольничьих аристократов и полунемцев составляют слишком незначительное исключение, да и те послали детей не в русские училища, куда ходят дети православных, а в частные школы к немцам. Гонимые своими православными соплеменниками, и эти раскольники скорее обращались к немцам, более полагаясь на их лютеранский индифферентизм, чем на веротерпимость русского православия.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Правила маркиза Паулуччи упразднены весьма оригинальным образом. Они были вытребованы для дополнения и не возвращены. [2] Вместо них даны новые правила, устранившие прежнюю коллегиальность общинного правления и сосредоточивавшие все в руках одного попечителя, имеющего за плечами у себя другого попечителя от правительства. Бедные дети стали болтаться без всякого призора, предаваясь с самого раннего детства крайнему разврату. Община с ужасом смотрела на страшную картину и ясно предвидела еще худшую, но все-таки оставалась непреклонной. Детям открывалась широкая дорога к гибели с каторгой в перспективе; но их охотнее выпускали на эту печальную дорогу, чем в православную школу.

В 1849 году деморализация раскольничьей молодежи в Риге достигла апофеоза. 30 апреля 1838 года последовало повеление об обращении в кантонисты сирот, бывших в упраздненной школе, а 11 июля 1849 года князь Суворов просил бывшего министра внутренних дел Л. А. Перовского «ходатайствовать о дозволении распространить в Риге без изъятия на всех бродяжничающих и нищенствующих по городу малолетних раскольников правило 30 апреля 1838 года» (т. е. отдавать их в батальоны военных кантонистов). Ходатайство свое об этой мере князь Суворов подкреплял тем, что «число бездомных и бесприютных раскольников в Риге, известных здесь под именем „карманщиков“, постоянно возрастает и время от времени становится большою тягостью для общества». Городская полиция, писал князь, бессильна, чтобы с успехом следить за «вредным классом карманщиков». Этот «вредный класс» по расчету, выходит, – поколение раскольников, народившееся после уничтожения в 1832 году гребенчиковской школы, из которой было принято правилом пристраивать детей к местам. Община, никогда не бросавшая своих сирот и детей бедняков, теперь не могла ничего для них сделать, а власть, находя себя не в силах «подобрать детей», как подбирало их общество, решила покончить с ними, сдав их в кантонисты.

Ходатайство князя Суворова, шедшее чрез Л. А. Перовского, было уважено. Стон, плач и сетование огласили Московское предместье. «Это был плач в Раме, – говорят старики раскольники на своем торжественном языке. – Рахиль рыдала о детях своих и не хотела утешиться». Вызванные бездомными и ничему не обученными детьми суровые меры шли одна за другою, одна другой круче, одна другой неожиданнее. Того же 11-го июля, когда князь Суворов за № 807 просил Льва Алексеевича Перовского ходатайствовать об отдаче раскольничьих сирот в кантонисты, он за № 808 предписал рижскому полицмейстеру «немедленно, но с осторожностью, внезапно и совершенно негласно, взять в распоряжение полиции круглых раскольничьих сирот, как мальчиков, так и девочек». В списке взятых по этому распоряжению сирот есть дети обоего пола включительно от двух с половиною до девятнадцати лет. Даже, не знаю уж по каким соображениям, в числе малолетних была взята купеческая дочь Евдокия Лукьянова Волкова, 21-го года. Все это имело ужасное впечатление на раскольников и врезалось в их памяти огненными чертами. Есть донесение полицмейстера Грина (5 ноября 1849 года за № 2862-м), из которого видно, что дети, несмотря на позднюю, суровую осень, прятались в незапертых холодных балаганах на конном рынке, где их и находили ночные патрули, доставляя оттуда прямо в полицейскую чижовку. Забираемые дети чаще всего были совершенно нищие. Так, ночью под 5-е ноября были взяты семь мальчиков, у которых все имущество заключалось в одних мешках.

26 ноября 1849 года за № 5752 граф Перовский уведомил князя Суворова, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил распространить правило 30 апреля 1838 года на всех бродяжничающих, даже и на православных».

Забранных детей, с некоторыми усиленными этапными предосторожностями, препроводили по пересылке в том же ноябре месяце в Псков и там сдали их в батальоны военных кантонистов.

2-го января 1850 года опять были взяты какие-то одиннадцать карманщиков, но их князь Суворов велел отослать к духовному начальству для присоединения к православию, а епископ Платон поручил совершить это присоединение священнику Благовещенской церкви Светлову.

Священник Светлов убеждал в истинах православия весьма успешно. 23-го января 1850 года преосвященный епископ Платон прислал к Суворову нижеследующую расписку:

«Мы, нижеподписавшиеся рижских умерших мещан дети: Иосиф Иванов (четырнадцати лет), Василий Васильев (восьми лет), Назар Семенов (двенадцати лет), Леон

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru Семенов (девяти лет), Татьяна Федорова (десяти лет), Марина Лещева (восьми лет), Екатерина Филатова (восьми лет) и Федосья (восьми же лет) сим изъявляем решительное наше намерение из раскола присоединиться к православию Кафолическия восточныя церкви и обещаемся быть в послушании ея всегда неизменно. Января 16 дня 1850 года. К сему показанию вместо неграмотных вышеозначенных детей расписался мещанин Михаил Яковлев. Кроме означенных в показании сирот, 17-го января еще присоединен младенец Иоанн двух с половиною лет. Подписали: квартальный надзиратель Станкевич 2-й, свидетель – орловский мещанин Федор Тихонов Дмитриев. Показание отбирали: рижския Благовещенския церкви священник Сергей Светлов, дьякон Нил Назаревский, дьячок Иван Кедров».

К довершению искренности этого «присоединения» или, как раскольники говорят, «примазывания», бывали случаи сопротивления присоединяемых. Так, например, даже при присоединении этих самых детей, изъявивших священнику Светлову свое решительное намерение присоединиться из раскола к православию, случилась история, о которой рижский полицмейстер полковник Грин 20 января 1850 года за № 35 («дело о карманщиках») доносил так: «Тетка сирот Назара и Леона Семеновых, здешняя рабочая, раскольница Домна Семенова во время присоединения несколько раз сильным образом врывалась в церковь, произнося ропот с шумом. А сестра сироты Василья Васильева, здешняя рабочая, раскольница Федосья Иванова у церкви и при выходе из оной ее брата, идучи за ним по улицам, громко плакала».

Потом еще исправляющий должность рижского полицмейстера 13 февраля 1850 г., № 87, донес кн. Суворову, что на данное помощнику квартального надзирателя Винклеру поручение представить мальчика Андриана Карпова Михеева для присоединения он рапортовал, представя Михеева и его сестру, здешнюю рабочую Марфу Карпову Михееву, что «последняя дорогою к церкви всячески старалась брата своего отклонить от присоединения, выразив при том: „Хоть и голову тебе отрежут – не поддайся“. При том она громким плачем возбудила внимание проходящей публики, и несколько человек сопровождали ее к церкви. По прибытии на место Марфа Карпова Михеева насильно ворвалась в церковь, стала позади своего брата, произнося жалобы, и, когда священник хотел приступить к обряду присоединения, Андриан Карпов сего не дозволил, так что св. миропомазание должно было оставить».

«По учинении такового поступка Михеев и его сестра отведены под арест. После же того Андриан Карпов Михеев объявил, что он обдумал, и просил представить его священнику, что тотчас и учинено, и он без всякаго помешательства присоединен. Сестра же его содержится при полиции».

Чиновник особых поручений прибалтийского генерал-губернатора граф Сологуб 24 июля 1860 г. за № 5 прислал кн. Суворову донесение, ходящее между раскольниками в тысяче списков. Я здесь приведу только некоторые места этого очень большого донесения:

1

«Принцип невмешательства во внутренние дела раскола, – пишет граф Сологуб, – существует собственно по имени, а на деле отступления от сего принципа повторяются беспрестанно. Высылка людей по этапам на увещание, запечатывание и разорение молелен, отбирание книг, икон и вещей, отлучение детей от родителей, жен от мужей, стариков от семейств, ссылка наставников, заключение их в тюрьмах – все эти случаи, имеющие свой источник в похвальном рвении к православию, но не подлежащие законности судебных приговоров, не подходят под правило невмешательства во внутренние дела раскольников. Справедливее было бы выразить, что принцип невмешательства соблюдается не для внутренних, а для внешних дел раскола».

2

«Что церковь лишает своего благословения отступников от православия, оно естественно и понятно, но чтоб мирская власть преследовала семейное начало, коим единственно может держаться гражданская жизнь, чтоб она не противодействовала явлениям внутреннего общественного и, следовательно, государственного разрушения, чтоб она добровольно лишала себя права водворить гражданский порядок там, где порядок церковный сделался пока невозможен, это объясняется только беспримерным самоотвержением, беспредельной преданностью церкви и, можно сказать, уверенностью, что семейное начало в русском народе так сильно, что, несмотря на возможность уклониться от него, ничто не истребит его совершенно».

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
В этом отношении смело утвердить следует, что первенство духовной власти, не достигая собственной цели, препятствует при совокупных действиях власти светской достигнуть цели возможной и тем впоследствии содействовать самой церкви».

3

«в 1834 году книги отобраны. Преосвященный Иринарх выразил правило, что следует теснить раскольников в самых обрядах богослужения, чтоб им дать почувствовать необходимость присоединения к единоверческой церкви. Вследствие того школа была уничтожена, две молельни закрыты, но третья оставлена. Рижские раскольники, не воспользовавшиеся в 1822 году правом скреплять законно свои браки, впоследствии сами о том многократно просили, но, несмотря на усиленное ходатайствование главного начальства, им было постоянно отказываемо.

Тут возникла явная несообразность. То, что сперва требовалось и потом запрещалось в Риге, гласно допускалось в Динабурге. Наставник тамошней часовни не только имел позволение совершать браки и записывать их в книгу, но выдавал брачные свидетельства, скрепленные местною полициею по предписанию губернского правления.

В 1837 году раскольник Наумов просил позволения у г. генерал-губернатора обвенчать своего сына в молельне, так как в Динабург их более не пускали, а совершать браков по их обрядам им никогда воспрещено не было. Просителю объявлено, что со стороны местного начальства, по существующим правилам, препятствия к тому же не предвидится. Снова возникло недоразумение, в коем раскольники были, конечно, не виноваты. Брак совершен при общей их радости, уступившей скоро гневу преосвященного, требовавшего, чтобы все раскольничьи супружества были объявлены незаконными, все их дети незаконнорожденными и лишенными права наследства».

4

«в 1838 году отобраны у раскольницы Леоновой, несмотря на ее сопротивление, трое детей и присоединены к церкви по той причине, что они были прижаты незаконно. Это самое условливало, что раскольники могут иметь детей законных, но закон о том умалчивает. Постановление же о крещении незаконных раскольничьих детей в православие действительно существует. Но могут ли быть законные дети там, где нет хотя гражданского законного брака? Что тут должно служить руководством? Куда следует приписывать новорожденных? В 1837 году были сделаны по сему предмету в Риге некоторые местные распоряжения, требовавшие продолжительных формальностей и до того взволновавшие раскольников, что одна женщина хотела при общем крике бросить мертвого некрещеного младенца в ноги частного пристава».

5

«Ныне в Риге, сколько известно, раскольники могут, но не обязаны, объявлять свои браки в полиции.

В Дерпте браков не записывают на том основании, что они незаконны».

6

«В Дерптском уезде высланы из разных мест 8 наставников, некоторые уже умерли в ссылке и считаются пострадавшими за веру. Кроме того, 8 молелен закрыто. В настоящее время между дерптскими раскольниками нет ни одного ответственного по расколу лица и ни одного молитвенного дома, где бы они могли собираться. Таким образом, несмотря на правило невмешательства и неоднократно повторенное положение, что раскольникам не воспрещается исполнять свои требы, средства к исполнению таковых треб у них отняты. Им остается или обратиться к единоверию, или укореняться еще более в чувствах своего коренного неповиновения, тайно выбирать себе в наставники первых попавшихся, ни за что не ответственных людей и, наконец, не только удаляться еще более от начал порядка, но обратиться к явному разврату и пьянству, доселе бывших неизвестными».

7

«Дерптские раскольники не имеют перед законом ни наставников, ни молельни, ни жен, ни детей, ни прав, ни обязанностей! Они не возвышены до степени разумного общества, а унижены до степени стада без пастыря. А потому нравственность их должна упадать с каждым днем, что действительно и замечено.

Все вышеприведенные обстоятельства могут уже некоторым образом пояснить, с какими последствиями бывают сопряжены неточность и негласность узаконений там,

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru где точность и гласность в особенности необходимы, и почему гражданская организация раскола была бы событием вполне желательным. Она бы положила конец мнимым преследованиям, которыми раскольники гордятся, и, между тем, лишила бы их действительных выгод, которыми они весьма сознательно пользуются».

8

«Смею думать, что безошибочно можно вывести следующие заключения:

Расколу содействуют три причины:

- 1) историческое озлобление против духовенства,
- 2) невежество,
- 3) выгодная неопределительность постановлений.

Если причины оказываются верными, действия против них выказываются сами собой. Они обуславливают:

- 1) совершенное отделение в деле раскола власти духовной от власти гражданской, имеющих действовать не совокупно, а одновременно, с тем чтобы церковь содействовала обращению словом, поучением, молитвой, любовью, примером, а местные полиции – соблюдением определенного порядка;
- 2) учреждение школ, обязательных для всех раскольничьих детей;
- 3) издание правил для руководства местных властей и известности самим раскольникам.

Осуществление подобных мер представляет, однако, немаловажные затруднения. Мысль, что может возникнуть неосновательный упрек в заменении таинств полицейскими распоряжениями, опасение неудовольствия духовенства, боязнь открыть народу новый источник соблазна, недостаток в учебных пособиях и образованных сельских священниках, ненадежность полицейских орудий – таковы суть препятствия, останавливающие гражданскую организацию раскола. Но эти препятствия встречаются более для великороссийских губерний. Для остзейских они не существуют, по крайней мере, не в равной силе.

Остзейским губерниям принадлежит высокая честь стоять в челе нашего государственного благоустройства. Уничтожение крепостного права, водворение обязательного народного образования, деятельность высших училищ, образцовое учреждение городских обществ и земских полиций, уважение сословий к своим правам, развитие сельских хозяйств, преуспевание общественной нравственности – таковы последствия долгого исторического развития и благодетельных правительственных мер.

Но при общей определительности прав, обязанностей и отношений нельзя не сознать, что постановления о проживающих в остзейских губерниях раскольниках одни только не согласуются со стройностью прочих частей управления.

Между тем, число раскольников незначительно, большинство жителей – протестанты, для которых наружное снисхождение по расколу не представляет опасности; русского духовенства нужно немного. На полицию положиться можно.

Элементарные школы учреждены в каждой деревне, пример перед глазами. Заимствование будет нетрудно».

9

«В Дерпте некоторые раскольники посылают уже детей своих в немецкие училища, сами говорят и по-немецки и по-эстонски, бывают у православных священников, и один из них, предполагаемый их тайный наставник, торгует табаком – треклятым, по мнению поморской секты, зельем».

10

«Обращения совершаются большей частью или посредством браков, или по насильственному миропомазанию детей, коих родители некогда принадлежали к православию, причем закон давности не соблюдается.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
Если раскольник, например, пожелает жениться на православной, церковь венчает их и записывает раскольника в число обращенных; но многие опыты доказывают, что при таких случаях после венчания не муж становится православным, а жена переходит в раскол. [3]

С детьми же, долженствующими по метрическим книгам принадлежать к православию, действия духовно-полицейской власти принимают иногда свойства жестокости, несогласной ни с милосердием церкви, ни с духом времени».

11

«В комнату мою ворвались крестьянин и крестьянка, с воплем и слезами кинулись на пол и начали просить защиты против носовского священника. Сбежавшая моя семья не могла утешить почти ослепнувшую рыдающую мать, вопиющую, что у нее отнимают детей.

По сделанной мною справке дело подтвердилось.

Крестьянин деревни Ротчина Осип Васильев Дектянников хотя и утверждает, что он родился от родителей, всегда бывших в расколе, но записан по метрическим книгам дерптской Успенской церкви родившимся в 1810 году и крещен в православии.

Это послужило поводом, что через 47 лет, т. е. в 1857 году, дети его были вытребованы к увещанию по представлению носовского священника. Детей было трое: Иван 16 лет, Василий 13 и Андрей 1 года. Старший, немой и подверженный эпилептическим припадкам, оставлен в покое, но Василий и неразумный еще Андрей были перекрещены. Последний не мог, очевидно, понять, что с ним делали, но тринадцатилетний Василий, как показывает его отец, тотчас кинулся в реку, чтобы смыть с себя священную печать Духа Святаго.

На основании сего присоединения к церкви высшей властью постановлено, чтоб обращенных детей Дектянниковых у него отобрать и передать на воспитание православным родственникам или опекунам. Родители детей скрывали, и ныне они или должны остаться с глухонемым эпилептическим сыном, или, как во время гонений, прятать своих других детей от преследований священников. При этом нельзя не упомянуть, что в крестьянском быту подрастающие дети составляют рабочие силы и что отлучение их из дома поражает не только чувство природы, но и хозяйственные выгоды крестьян.

Вышеприведенное дело, перед которым слабеет известный случай еврейского мальчика Мортары, возбудивший негодование всей просвещенной Европы, к сожалению, далеко не единственный в сем роде.

Кто в приведенном случае возбуждает сочувствие – раскольник или священник? Значение церкви так велико, так свято, что всякое насилие в ее пользу не только ее оскорбляет, но явно вредит ей.

При этом надо заметить, что местные земские полиции тем строже исполняют свою обязанность, чем более внутренне чувствуют к ней отвращение! Боясь показать незаконное потворство, они держатся буквально смысла данных им предписаний. Так как раскольники часто укрываются бегством от грозящих им увещаний, то по сему поводу учреждены были нередко, по отзыву земских властей, настоящие на них облавы.

В видах осторожности их часто содержат под стражей, ведут в кандалах по этапам, как преступников, причем и обращение с ними полицейских очевидно грубо до жестокости.

Духовенство ссылается на то, что по религиозным убеждениям преследований нет. Но разве содержание в тюрьме, ношение цепей, этапное следование с колодниками не составляют тоже истязания? Разве отлучение от семейства не составляет нравственной пытки?

До сего времени содержится в Дерпте престарелый безграмотный старик Прокофий Никифоров. Он с 1850 года, т. е. уже десять лет, как отлучен от своего семейства, почти из ума выжил и очевидно только теперь становится опасен, потому что слышит наряду со многими другими праведником, пострадавшим за веру.

Если бы священники подвергались строгой ответственности перед своим начальством

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru за всякое неподтверждаемое обращение (в православие), если в обращениях настоящих было бы принимаемо надлежащее удостоверение, что обращающийся не по какому-нибудь минутному расчету, а по искреннему чувству сделался достойным счастья быть снова причисленным к церкви, – то нет сомнения, что случаи, мною приведенные, сделались бы невозможными.

По самой человеческой немощи всякое принуждение вызывает ропот, всякое запрещение условливает желание ему не подчиняться. Если бы церковь объявила раскольникам, что она в виде наказания не признает их более и поставила бы присоединение на степень награды после очистительного оглашения... обращений очевидно было бы более, чем ныне... и святое достоинство имени церкви не подвергалось бы нареканиям и упрекам невежественной черни.

Тут определяется прямая деятельность церкви.

Она никого не укоряет, никого не винит, никого не требует к мирскому суду. Полная самоотверженной любви, она в виде скромного пастыря входит в избу совращенного, переносит оскорбления, во имя богострадальца благодетельствует оскорбивших, роднится с их жизнью, вникает в их быт, говорит их языком и, наконец, направляет их к разуму и истине».

12

«Кроме начала ненависти, раскол образуется началом невежества. Меры против последнего высказываются сами собой: образование училищ, истребляя невежество, тем самым может истребить и раскол. Но тут встречается новое столкновение духовной власти с гражданской. Элементарное духовное образование поручено приходским священникам; в приходские же училища раскольники детей своих посылать не будут, несмотря ни на какие принуждения.

Таким образом, нужно было отказываться до сего времени от одного из лучших способов действовать на раскол.

В великороссийских губерниях, где народное поголовное образование еще не обязательно, такое обстоятельство объясняется само собой; но остзейские губернии служат и в этом случае исключением. В них общее учение, требуемое протестанским исповеданием, осталось обязательным для присоединенных к православию крестьян.

Из этой общей меры исключены только русские мещане и раскольники. Последние, видя вокруг себя общий порядок учреждений независимо от вероисповеданий, не будут противиться учреждению школ, а лишь участию в них священников. Наконец, учреждение обязательных школ могло бы быть условием к предоставлению раскольникам некоторых прав, которые в свою очередь принесли бы со временем свои плоды.

Из этого возникает возможность образовать в ведении учебного округа, но на счет сектаторов, обязательные школы, учреждение коих подчинилось бы особым правилам. Они бы имели свойство чисто педагогическое, не касаясь предметов веры, поручались бы школьмейстерам, в деревнях бы довольствовались учением грамоте и 4 первых правил арифметики, а в Дерпте включили бы в свой курс географию, историю, грамматику и пение. Подобный опыт, как слышно, уже сделан в военных поселениях по распоряжению министерства государственных имуществ, – а так как часть дерптских раскольников подлежит тому же ведомству, то в применении уже существующего правила нельзя предвидеть затруднения. По свидетельству очевидца, между новгородскими раскольниками уже усиливается убеждение, что толку их существовать недолго, – на том основании, что детей их уже посылают в школу.

Освободив раскольников от столкновений с духовенством, принудив их к образованию и штрафами за ослушание и тем, что безграмотный не мог бы быть приписан в мещане... остается приучить их к гражданской жизни и к гражданской ответственности. Обязанности условливаются только правами. Кто не имеет права, не имеет и обязанности.

Негласные постановления существуют... Почему же не сделать их гласными, когда все их знают?»

Приведенные отрывки не будут лишними. Впереди мы встретим бумагу другого члена

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru лифляндской администрации, держащегося несколько иных воззрений на раскол. Я не намерен подвергать ту бумагу критическому разбору, но имею основание желать, чтобы лицо, прочитавшее мои выдержки из донесений графа Сологуба, удержало их в своей памяти, пока его внимание будет остановлено совершенно противоположными мнениями.

По моему крайнему разумению, все вышеизложенное может служить достаточным подкреплением моего мнения, что «отвращение к церкви и церковникам-никонианам» внушалось и ныне внушается раскольникам не в школах и не учителями вроде добродушного старичка желтого или простого шкловского мещанина Дорофея Дмитриева Емельянова. Я имел честь оговориться, что не хочу, да и не могу оспаривать автора «Истории Преображенского кладбища», по словам которого, в ковылинской школе в Москве «детям внушалось отвращение к церкви и церковникам-никонианам». Не хочу даже пользоваться общими многим придирками к происхождению и нынешнему положению автора, но не поручусь за основательность его сказания, а сам, по своему уму-разуму и совести, решительно отвергаю возможность приписывать религиозный фанатизм раскольников влиянию школ и в этом влиянии искать корень презрения раскольников к духовенству господствующей церкви, опирающейся на мирскую власть и присоединяющей в свое лоно при содействии квартальных надзирателей. Еще раз повторяю: это плоды принудительной системы правительства и корыстолюбивой ревности духовенства; а школы здесь решительно ни при чем.

Так исчезла рижская гребенчиковская школа, оставив на своем месте описанную мною «мерзость запустения».

А между тем шли годы, сменялись общественные деятели, изменился характер правления и изменились обстоятельства.

С восшествием на престол императора Александра II и первым мерцанием обличительной гласности раскольники завидели вдалеке брезжущую зорьку, обещавшую конец долгой осенней ночи, в течение которой они спали, давимые тяжелым кошмаром. Смутны и неопределенны, но теплы и смелы были их надежды на молодого государя. Они начали помышлять о возвращении многих отнятых у них гражданских прав и, между прочим, права иметь школы. Смелее всех в этих надеждах были раскольники Остзейского края, и в особенности рижцы, которые, несмотря на все вышеизложенное, все-таки были самостоятельнее всех других русских раскольников. Ожидая пока, что будет, рижане порешили, что уж, во всяком случае, прежние преследования прекратились и можно кое-что предпринимать потихоньку к своему благоустроению. Попытались отнестись к начальству с одним, с другим, – на все отвечают не в прежнем тоне. Стали еще более верить в царя; стали еще смелее в просьбах, а в некоторых вопросах, где боялись столкнуться с духовенством, пошли вперед сами, без всяких разрешений, так называемым «законопротивным образом». В этот период на одной рижской раскольнице женился раскольник же из Вилькомира, митавский 2-й гильдии купец Григорий Семенов Ломоносов, человек прямой, резкий, терпимый по делам с разными властями и имеющий большое состояние. Ломоносов начал свое общественное служение в Риге чем обыкновенно заявляют себя раскольники: приношениями в больницу, богадельную и моленную. Может быть, что Ломоносов и ограничился бы этого рода деятельностью. Но случай свел его со здешним довольно еще молодым купцом Захаром Лазаревичем Беляевым, самым горячим слугою общественных интересов и неустанным врагом всякой лжи и всякого невежества. Он воспитывался в уничтоженной гребенчиковской школе, был мальчиком в трактире, потом сидел за веру в казематах Динамюнде, а теперь имеет небольшой русский трактир, с которого и живет. Беляев – человек весьма светлый и довольно развитый, а всего более до крайности прямой и готовый хоть сто раз погибать за правду. Он очень любит читать произведения новой литературы и при всей ограниченности своего состояния, едва ли превышающего десять тысяч рублей, выписывает пять русских журналов и несколько газет. Все это Беляев перечитывает с большим вниманием и замечательным критическим тактом. Влечение к знаниям у него доходит до страсти, и потому нестерпимое однообразие раскольничьих «цветничков» и очевидная нелепость большинства толстых книг его возмущают. Он не только сам давно бросил эти книги, но, к великому соблазну многих, очень еще любит выставлять на посмеяние хорошо известные ему бредни толстокнижников. Беляева считают плохим «христианином» (в раскольничьем смысле этого слова), но глубоко уважают как лучшего и самого «крепкого» общественника. «Осатанел, – говорят, – Беляев, а мужик первый». За эту безмерную преданность Беляева общественным интересам ему скрепя сердце прощают не только его осатонение, но и беспощадную обличительную прямоту, пробивающую людей до седьмого пота. Познакомившись с Беляевым, Ломоносов завел на Московском форштате секретную

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru школу и содержит ее до сих пор вместе с Беляевым. Это и есть та школа, о которой прослышали здешние поморцы и по образцу которой они желают устроить школы у себя. Мне не было основательных причин добиваться, как велико денежное участие Беляева в содержании этой секретной школы, но полагаю, что оно ничтожно: ее инициатива, кажется, более принадлежит Беляеву, чем Ломоносову. Ниже мы будем иметь случай подробно говорить об этой школе и о том, насколько она заслуживает внимания и подражания.

Прошло года два со времени основания этой школы, известной под фигуральным именем «Марочки», и в других местах Остзейского края тоже начали под сурдинкой поучивать детей в сборе по десяти и по двадцати в одном месте.

Но раскольники, вечно подозреваемые в какой-то жадности к таинственности, на самом деле очень любят официальное признание и гласность. Пожив годок-другой со своими секретными школами, они начали ходатайствовать об учреждении им открытых школ.

Упорное искание школ поморцами Остзейского края в нынешнее время во многом напоминает искание архиерейства рогожцами и дьяконовским соглашением в последние годы царствования Екатерины II, кончина которой надолго отдала соединение господствующей церкви со всею дьяконовщиною и многими поповцами ветковского соглашения. Раскол делает уступки и просит чего ему хочется, а ему дают то, чего он не хочет взять, да и не может взять по своим понятиям о деле. Все идет невыносимо долго, все мучит людское терпение с равнодушием приспешника, раздумывающего над яством, назначенным для утоления судорог голодного желудка. Является Захар Беляев, совершенно равнодушный к фанатическим требованиям раскола, но неравнодушный к делу образования и испытанный горячий слуга раскольничьей общинности. Это – личность, во многом напоминающая собеседника кн. Потемкина, молодого раскольничьего философа, всеми силами рвется сблизать своих общественников с современными идеями. Он говорит им, что раскол – вздор, что учение Христа не в формах и обрядах, а в духе любви, которой у раскольников ничуть не более, чем у православных, католиков или евреев. Беляевы в расколе не часты, но все же в расколе есть люди светлые и благонамеренные, которые могли бы оказать много несомненной пользы в интересах народного просвещения и, следовательно, в интересах народного благосостояния. Все это подходит к дверям власти, все это тянет пред ними надрывающимся грудным голосом свое скитовое «Господи Иисусе Христе, помилуй нас», и все молча готово снова завернуться само в себя, если власть из-за своих дверей не поторопится ответить им давно ожидаемое «Аминь».

Искание школ в Остзейском крае в последнее время начали дерптские раскольники. Мысль просить об учреждении школ была у них, разумеется, давно; но новый повод к заявлению ее дало опять едва ли не то же самое духовенство господствующей церкви.

Из дела, находящегося в архиве генерал-губернаторской канцелярии, видно, что архиепископ рижский и митавский Платон 13 июня 1860 года за № 2481, по доносу дерптского благочинного протоиерея Алексева, жаловался генерал-губернатору, что мещане русского происхождения «небрегут о образовании детей своих и не посылают их в приходские школы», и просил кн. Суворова, не признает ли он возможным «побудить граждан русского происхождения, проживающих в Лифляндии, к обучению детей их в приходских и других школах». В бумаге рижского архипастыря, между прочим, было сказано, что мещане скупятся уделить что-нибудь на образование своих детей и что, по мнению отца Алексева, «посещение школ нужно сделать обязательным, по крайней мере для слушания уроков религии».

Когда настоящее дело дошло до лифляндского губернского правления, то это присутственное место 13 октября 1860 года за № 2811 написано генерал-губернатору, что он «не в состоянии приискать какие-либо средства для побуждения живущих в Лифляндии мещан русского происхождения посылать своих детей в школу», а генерал-губернаторский чиновник Шмидт 7 марта 1861 года за № 25 представил донесение, которое я привожу в подлиннике.

После форменного вступления г. Шмидт пишет:

«Прежде всего долгом считаю не умолчать о сделанном мною в настоящее время замечании, что благосостояние, бывшее 10 лет тому назад у многих живущих в Дерптском уезде раскольников, ныне не существует, а на место оно вкралось

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru пороки, леность и пьянство, чего прежде не видно было. Я очень далек от утверждения, будто это зло произошло оттого, что раскольники лишены были отправления обрядов своих закрытием молелен; но полагаю, что эта мера имела более или менее влияние на развитие между ними безнравственности, преимущественно же между молодыми. Опыт доказывает, что угнетенная секта упорнее остается в своем заблуждении, надеясь этим приобрести вознаграждение в названии „мученика“, нежели такая, которая терпима правительством и свободна в отправлении обрядов, состоя только под строгим надзором в отношении обращения других в раскол.

Со времени закрытия моленных в Дерптском уезде присоединение раскольников к православию не было очень значительно. В 1850 году число раскольников простиралось до 4200, а ныне до 4000 душ, следовательно, разница в 200 человек; и эта разница, может быть, произошла не только от присоединения к православию, но и от перехода раскольников на жительство в другие места и от других причин. Даже наказания, которым некоторые из сектаторов подвержены были, не могли их склонить к возвращению в недра церкви, и так как нельзя заключить, чтобы означенные 4000 душ совершенно обратились в язычество, то с достоверностью полагать можно, что они втайне отправляют обряд своей секты. Ни светское, ни духовное начальство не в состоянии прекратить этого совершенно, и такая втайне действующая секта имеет самые вреднейшие последствия в религиозном, нравственном и общественном отношениях, тем более, что все тайное возбуждает в человеке особенную привлекательность и представляет самый лучший случай к обращению в секту.

Для узнания обязанностей против Бога, истинной веры и определения своего существования человек должен иметь образование. Все люди способны к образованию, если только существуют необходимые наружные условия. Во всех обстоятельствах жизни обнаруживается, что образование начинается мало-помалу и переходит от наружного к внутреннему, от несущественного к существенному. Посему во время настоящей прогрессии в нашем отечестве весьма радостно событие, что все живущие в Дерптском уезде раскольники, которых я имел случай видеть, изъявили желание посредством устройства школ дать соответственное образование своим детям, число которых простирается до 1300 душ.

Имею честь представить Вашей светлости в приложении под лит<ерой> А прошение, подписанное дерптским мещанином Смолкиным от имени и с согласия раскольников, живущих в деревнях: Черной, Каките, Красная гора, Кольке, Казепе, Воронье и Меже, об устройстве школ под условием, чтобы они не состояли под влиянием православного духовенства, и чтобы учителя принадлежали к раскольнической секте. Независимо от сего сектаторы просят в представляемом у сего под лит<ерой> Б прошении об открытии моленных и определении наставников, как это дозволено единоверцам их в Риге и в других городах империи.

Сверх сего мне подано было прилагаемое у сего под лит<ерой> В прошение от живущих в г. Дерпте раскольников, состоящих из 168 взрослых и 60 детей обоего пола. Это прошение, изъявляя подобное же желание, „что если предоставится им право давать детям своим преимущество образования, то разумеется, что таковое тем более необходимо им самим по обрядам своим“, – следовательно, они согласны на открытие школ, но только под условиями.

Что касается до открытия моленных и определения наставников, то я удерживаюсь от выражения всякого мнения по сему предмету, но нахожу полезным устройство школ, потому что уже в обучении юношества грамоте, читать и писать есть средство довести их со временем до сознания в лжеучении, которому они преданы.

В заключение осмеливаюсь почтеннейше представить Вашей светлости следующие предположения касательно устройства таких школ:

- 1) Относительно преподавания грамоты школы должны состоять под наблюдением местного ведомства народного просвещения; в отношении же могущих быть попыток к обращению других в раскол и в отклонение погрешностей против нравственности – под строгим надзором дерптского орднунгсгерихта.
- 2) Преподавание должно ограничиться чтением, письмом и первыми началами арифметики; касательно же преподавания закона Божия, то существует для единоверческой церкви катехизис, который признают и сами раскольники.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru

3) Учителей следовало бы предварительно избирать из числа сектаторов и, если возможно, не подвергать их экзамену или только поверхностно, потому что они могут быть самоучки и основательных познаний от них ожидать нельзя. Орднунгсгерихт должен иметь наблюдение, чтобы в учителя не были избраны лица, известные своим фанатизмом и безнравственностью.

4) Расходы на содержание школ, на жалованье учителям, равномерно наблюдение за посещением школ следовало бы совершенно предоставить самим раскольникам».

При этом донесении г. Шмидта были представлены просьбы села Черной и деревень Кикиты, Тихотки, Красных гор, Коляк, Казеп, Вороньи и Межи.

«Просим от правительства сообразовать для нас милосердие (пишут в этой просьбе) поучить нам своих детей в училище, устраиваемом соразмерно достатков и обстоятельств наших первоначальному обучению по нашим древним книгам и письма по скорописи, в самых простых науках, учителем, выбираемым из среды нас и чтобы это происходило помимо духовенства; насчет наук наших детей, сверх онаго вышеупомянутого учения, мы нежелательны принять». Во втором прошении общества эти опять так же безграмотно и так же умильно-наивно просят «позволить им поучить своих детей», но уже присоединяют к этому и просьбу позволить им молиться, как молятся в Риге.

В то же время дерптские раскольники, «поощренные благосклонною милостию его светлости князя Суворова», осмелились изъяснить желание свое в следующем:

1) «Чтобы благосклонно дозволено было обществу учредить на свой счет училище и избрать для оного из среды своей учителя, как для нравоучения самого общества, так и для детей их, и таким образом дать начало к образованию их, как таковое доступно всем состояниям в империи».

2) «Чтобы раскольническое общество само имело право выбирать из среды своей учителя для такового училища, который обучал бы детей первоначальным правилам чтения, писания и закона Божия по исповеданию предков их, а также и пению по древнему их обряду».

3) «Чтобы училище это состояло под надзором правительства при содействии двух членов из раскольнического общества, без всякого вмешательства православного духовенства».

4) «Чтоб избранному им раскольническому учителю предоставлено было право совершать в раскольническом обществе в вышеозначенном учебном заведении духовные требы в том роде, как таковое существует и в настоящее время в г. Риге».

«Хотя в Дерпте и довольно „учебных заведений“, – добавляют раскольники в конце своей довольно длинной просьбы, – но нет училища для нас и детей наших, в котором могли бы образоваться по исповеданию предков наших». Это довольно важно, если припомнить данное раскольниками обещание учить детей в общих школах.

Раскольники, ободряемые все мало-ломалу смягчающимся характером правления, шли в своих исканиях школ не одною дверью. В деле есть следующая бумага лифляндского гражданского губернатора к генерал-губернатору:

«Избранные раскольники деревень Кикиты и Тихотка Михайло Григорьев Смолкин, Семен Петров Крохов и Григорий Михайлов Смолкин просили дерптский орднунгсгерихт об исходатайствовании им разрешения учредить в деревне Кикита первоначальную школу, в которой бы мог избранный из среды раскольников учитель обучать детей их чтению, письму и арифметике.

Донося мне об этом, орднунгсгерихт присовокупил, что в Дерптском уезде дети раскольников решительно ничему не обучаются по неимению для них школ. Принуждать же раскольников силою отдавать своих детей в учрежденные православным духовенством школы, по мнению орднунгсгерихта, было бы неудобно и несообразно с целию. В этом случае пришлось бы преодолеть не только упорное сопротивление, но и преподавание в этих школах должно бы принять совсем другое направление, ибо оно ограничивается почти единственно наставлением учеников в правилах православной церкви.

Поэтому орднунгсгерихт признает учреждение школы для обучения детей раскольников

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru чтению, письму и арифметике действительно необходимым, тем более, что избранный из среды их учитель, при выборе которого, конечно, надобно бы было соблюдать всю осторожность, мог бы еще иным образом полезно действовать на своих учеников, возбуждая и поселяя между ними сомнение в устарелых и несовременных убеждениях родителей их и мало-помалу искореняя эти убеждения и вообще просвещая взгляд и образ мыслей доверенного ему юношества.

Приняв во внимание все эти доводы, орднунгсгерихт вошел в сношение по сему предмету с дерптским благочинным Алексеевым, который уверил его, что со стороны православного духовенства не будет никаких препятствий к учреждению раскольничьих школ (!), и по сему орднунгсгерихт просит меня исходатайствовать раскольникам дозволение учредить испрашиваемые школы не только в поименованных выше, но и во всех прочих обитаемых раскольниками деревнях.

Со своей стороны разделяя вполне мнение орднунгсгерихта о пользе и даже необходимости учреждения первоначальных раскольничьих школ, считаю долгом представить о сем на благоусмотрение Вашей светлости, прилагая вместе и поступившее в орднунгсгерихт по сему делу прошение».

Потерявшие давно всякую веру в терпимость и благожелание духовенства господствующей церкви и видя в немцах более благородной снисходительности и здравомыслия, чем в своих православных соотчичах, жители мызы Роель Михаил Григорьев Смолкин, Семен Петров Крохов и Григорий Михайлов Фомкин от себя и от имени общества принесли покорнейшее прошение дерптскому орднунгсгерихту и плакались немцам таким образом:

«Побуждаемы крайне жалостным положением детей наших, лишенных всякого образования по неимению никаких учебных заведений для раскольников, мы осмеливаемся прибегнуть к оному орднунгсгерихту с покорнейшею просьбою, приняв в соображение, что дети всех существующих в империи вероисповеданий и состояний получают образование в учебных заведениях, а наши дети в настоящее время лишены всех прав на достижение даже и самого посредственного необходимо нужного образования, – соизволить сделать со своей стороны надлежащее распоряжение об исходатайствовании нам, где следует, дозволения учредить для общества нашего селений Кикиты и Тихотки, состоящего из 120 дворов, в селении Киките школу для обучения детей наших первоначальным правилам чтения, писания и арифметики избираемым из среды нашей учителем.

Умоляя не отказать нам в нашей покорнейшей просьбе и уповая на милость и милосердие высших начальств, честь имеем пребывать» и проч. (г. Дерпт 25 ноября 1860 года).

Между тем, по давно усвоенной привычке проводить докучно привязчивую полицию, раскольники, видя, что от них уже принимают просьбы о школах и, так сказать, мирволят им, начали, не дожидая правительственного разрешения, то там, то сям заводить что-то вроде школок. Немцы, чиновники остзейского гражданского управления, несомненно знали об этом, но мирволили, ибо, к чести здешних немцев, они вообще отлично ведут себя по отношению к религиозной свободе раскольников. Генерал-губернатор не отказывал в учреждении просимых школ и написал преосвященному Платону (23 декабря 1860 года № 4103), вызывая рижского архипастыря веротерпимейшей церкви выразить свое мнение по представлению дерптского орднунгсгерихта. В своей бумаге кн. Суворов давал очень ясно чувствовать, что сам он склоняется в пользу удовлетворения раскольников.

Между тем о самоволии раскольников узнал дерптский протоиерей Павел Алексеев и вошел в сношения с высокопреосвященным Платоном. 18 октября 1860 года за № 1428 отец Алексеев уже писал преосв. Платону следующее:

«По приказанию Вашего высокопреосвященства чрез канцелярию от 27 сентября № 507 я лично входил в сношение с директором дерптской гимназии г. Шредером относительно открытых раскольниками школ в деревнях Воронье и Больших Кольках, и он объявил мне, что по особому положению сельских школ в Лифляндии они не подчинены директору, но заведывается ими особое правление, находящееся в г. Риге, председателем которого в настоящее время г. фон Клодт, сын бывшего суперинтенданта, а потому директор не может иметь влияния на открытие или закрытие сельского училища. Впрочем, если бы, говорил г. Шредер, последовало начальственное предписание ему закрыть раскольнические школы, то он с готовностью исполнит оное, хотя, откровенно говоря, не предвидит в этом никакой

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru пользы, потому что в отдаленных селениях совершенно не может иметь наблюдения за открытием таковых школ, и школа, закрытая по его приказанию сегодня, может быть открыта завтра же, и он никогда или по крайней мере весьма долго не узнает об этом.

После этого объяснения с г. директором я имел разговор об этом же предмете с Его высокопревосходительством, г. попечителем, который, подтвердив слова директора, присовокупил, что если последует от меня форменное представление к нему о школах, то он предпишет директору закрыть их, но признает, что это не только не будет иметь важных последствий, по невозможности директору строго наблюдать, чтобы школы не были открываемы вновь, но еще находит, что это может более усилить ненависть и отвращение раскольников к православным священникам, так как он будет действовать на основании требований православного духовенства. В предотвращение этого зла, г. попечитель полагает удобнейшим действовать чрез жандармского штаб-офицера, так как он не обязан указывать, откуда он получил известные сведения, и, с другой стороны, требования его строже будут исполняемы земскою полициею, нежели отношения какого-либо иного ведомства.

С благопокорностью доведя до сведения Вашего высокопреосвященства вышеизложенные отзывы г. попечителя и директора, осмелюсь со своей стороны представить на благоусмотрение Вашего высокопреосвященства, что раскольники в настоящее время весьма желают открыть у себя школы, даже готовы просить разрешения на это, но соглашаются только, как мне известно, в решении, к какому начальству обратиться за этим и чрез это подчинить себя ему, – светскому или духовному, и потому медлят подачею прошения об открытии школ у себя, об написании которого однажды даже обращались ко мне. При таком настроении раскольников весьма важно было бы, если бы местная земская полиция строго следила, чтобы они самовольно не открывали школ, а внушала бы им, чтобы они просили о дозволении им открыть оные и что на это последует разрешение. Чтобы побудить земскую полицию действовать таким образом, мне кажется, будет довольно, если Его светлость г. генерал-губернатор выразит положительно свое желание об этом дерптскому исправнику; официальные же требования и предписания, увеличивая переписку, не принесут никакого успеха».

Рижская община, вожакам которой обыкновенно известно почти каждое секретнейшее распоряжение не только местного начальства, но и многие тайны Синода и Государственного совета, ожидала, чем разрешится это новое искание школ, и сама ничего не предпринимала. В июне 1861 года она узнала ответ Платона князю Суворову на его бумагу о школах для раскольников.

Ответ этот был формулирован (20-го мая 1861 года № 281) следующим образом:

«Ваша светлость, сообщив мне отношением от 23 декабря прошлого года за № 4103 ходатайство дерптского ордунгсгерихта о дозволении раскольникам деревень Кикиты и Тихотка учредить первоначальные школы для обучения детей их чтению, письму и первым правилам арифметики, изволите спрашивать, не встречаю ли я со своей стороны какого-либо препятствия к исполнению означенного ходатайства раскольников? Признавая при том единственно верным средством к уничтожению раскола распространение грамотности между его последователями и потому находя настоящее ходатайство раскольников вполне заслуживающим уважения, Ваша светлость изволите полагать, что для достижения того, чтобы раскольники охотно посылали своих детей в школу, необходимо назначать учителей из среды самих же сектаторов, наблюдая при этом только, чтобы в эту должность выбираемы были люди с достаточными познаниями, примерной нравственности и не зараженные фанатизмом.

При обсуждении сего предмета епархиальным начальством приняты во внимание следующие обстоятельства: 1) по существующим постановлениям касательно учреждения народных школ: а) никакое подобного рода учебное заведение не может быть открыто без разрешения местного училищного начальства, все же частные учебные заведения, в Дерптском округе существующие, городские и сельские, должны состоять в ведомстве директора училищ той губернии, в коей находятся; б) учредители школ обязаны иметь при каждой законоучителя из живущих в том месте или в соседстве священников и, испрашивая разрешения открыть школу, должны вместе с тем представлять директору училищ письменный отзыв священника, назначаемого в законоучители; в) во всех училищах, городских и сельских, все учащиеся без исключения обязаны слушать преподавание катехизиса, а не обучаться только чтению, письму и первым правилам арифметики; г) в учителя сельских школ определяются местным училищным начальством люди всякого состояния, но не иначе,

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru как доказав на испытании, что имеют нужные для сего знания и способность обучать, причем училищное начальство осведомляется об их нравственных качествах и поведении, стараясь удостовериться заранее, что они без вреда для учащихся могут быть допущены к исправлению учительской должности; д) в помещичьих селениях училища вверяются просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков, кои могут поручать смотрение за оными и другим достойным сего благонадежным людям по своему выбору, а в селениях казенных учебную часть заведывает учитель, завися непосредственно от училищного начальства; сверх того в последних ближайший за училищем надзор поручается благочинному, к ведомству коего принадлежит приход; е) учителя, и в особенности обучающий закону Божию священник, должны также не терять ни в каком случае из виду главной, т. е. нравственной цели воспитания. Объясняя ученикам своим святые истины христианской веры и правила добродетели, они должны стараться, чтобы вверенные им дети не только без затруднения понимали их наставления, но и привыкали чувствовать всю важность оных и важность своих настоящих и будущих обязанностей к Богу, к себе, ближним и постановленным над ними властям (Высочайше утвержденный 8 декабря 1828 года устав учеб<ных> завед<ений>, гл. II, § 4–30 и 309–312); ж) там, где есть жители православного исповедания, запрещается избирать раскольников вредных сект, в том числе и беспоповщинской, в какие бы то ни было общественные должности и дозволяется назначать их только в полесовщики, десятские и сторожа (Св<од> зак<онов>, изд. 1857, т. III, устав о службе по выборам, прилож<ение> к ст<атье> 4182[4]). Сверх сих общих постановлений, секретным циркулярным указом святейшего синода от 29 октября 1836 года за № 13023 обязанность обучения поселянских детей в тех епархиях, где есть раскольники, с Высочайшего утверждения возложена преимущественно на местное духовенство, причем объяснено, что: а) если раскольники пожелают отдать детей своих в учение не иначе, как по книгам старопечатным или со старопечатных изданным в единоверческой типографии, то принимать их с сим условием и обучать по сим книгам, и б) учащий должен употреблять особенное старание, чтобы, не смущая детей раскольнических и не раздражая родителей их жестокими укоризнами против раскола, внушить им уважение к православной церкви и к ее учению. 3) По существующему в Лифляндии положению, обучение крестьянских детей латышей и эстов, лютеран и православных, вверено также ближайшему надзору местного духовенства, причем в лютеранских приходах избираются для этого особые попечители (Kirchenvorsteher) из среды местных помещиков. 4) По собранным мною сведениям, не только в Лифляндии, но и в великороссийских губерниях весьма трудно между раскольниками найти человека примерной нравственности с достаточными познаниями для исправления учительской должности и не зараженного фанатизмом, и 5) грамотные раскольники, по обучении грамотности, на ней только и останавливаются и никаких книг, кроме церковных да служащих в защиту их заблуждений и притом вышедших из их только типографий, не читают, а следовательно, и цель грамотности – образование, хотя бы то в размерах, соответствующих быту поселян, у них ничуть не достигается, да они и не имеют ее в виду.

Сообразив вышеизложенные обстоятельства и постановления, я полагаю, что нельзя допустить, чтобы в предполагаемые школы для обучения раскольнических детей определялись учителями раскольники по выбору их единомышленников, поелику это 1) явно будет противно существующим постановлениям касательно сельских школ; 2) послужит не к благотворному просвещению раскольнических детей, а к воспитанию их в раскольнических заблуждениях, потому что наставники из раскольников, хотя бы они не были фанатики, без сомнения, будут передавать детям только свои мнения и верования, ни слова не скажут о том, что бы могло служить к истинному просвещению, которого они сами не имеют; 3) увеличит между раскольниками число грамотеев и начетчиков, а чрез это даст им возможность иметь более наставников и певчих в их моленных к утверждению раскола; при том 4) обучение раскольнических детей только чтению, письму и первым правилам арифметики, без обучения закону Божию, который положено преподавать во всех училищах, существующих в Российской империи, не принесет большой пользы раскольническим детям, которые более всего нуждаются в религиозно-нравственном образовании. Поэтому я признаю за лучшее, чтобы 1) в предполагаемых школах учителями были светские лица православного и даже лютеранского исповеданий, имеющие достаточное образование и хорошей нравственности, по выбору раскольников или того помещика, в имении которого они проживают, и с утверждения директора училищ Дерптского округа; 2) в сих школах раскольнические дети обучались не только чтению, письму и первым правилам арифметики, но также катехизису и священной истории, хотя бы то по старопечатным книгам; и 3) сии школы находились под надзором помянутого директора и местного помещика.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
Что же касается до того, что раскольники неохотно отдают детей своих в учрежденным православным духовенством школы, то это больше всего происходит, по моему мнению, от распространяемых между раскольниками злонамеренными людьми слухов, будто правительство благосклонно смотрит на их заблуждения и в скором времени дозволит им беспрепятственно строить свои моленные и открывать школы для обучения детей их. Если бы местное гражданское начальство объявило решительно раскольникам, что подобного рода слухи не имеют никакого основания и правительство никогда не дозволит им открывать свои моленные и школы, то раскольники, при нынешнем стремлении низших классов общества к образованию, вероятно, не стали бы препятствовать своим детям посещать и учрежденные православным духовенством школы, как это некоторые из них до сего времени делали и ныне делают; например, в русском начальном училище в г. Риге в прошлом году обучалось 37 раскольнических детей обоего пола, в вспомогательной школе в деревне Кольках Носовского прихода в запрошлом году обучалось 7 раскольнических мальчиков, а в прошлом два.

Сообщая это Вашей светлости, считаю нужным присовокупить, что по дошедшим до меня сведениям раскольники, живущие на Чудском озере, просят дозволения устроить в деревнях их школьные дома не для того собственно, чтобы чувствовали нужду в школах и желали образовывать в них детей своих, а для того, чтобы под названием школьных домов иметь особые моленные и торжественнее совершать в них богослужение. Именно, один из раскольников откровенно сказал известному мне человеку, что они, раскольники, на самом деле не нуждаются в школьном доме для обучения детей своих, потому что их дети теперь свободно обучаются и на квартирах всему, что им требуется. Школьный дом им необходим только для помещения моленной. „Да и на что нам, – присовокупил этот раскольник, – особенная наука, когда немного осталось до кончины мира? Вот уже, говорят, греки восстают против турок, которых на этот раз одолеют, а за сим и страшный суд“. Притом Вашей светлости известно, что раскольники на Чудском озере распускают молву, будто правительство наше убедилось в истинности их веры и скоро дозволит им строить моленные; поэтому, если им дозволится строить школьные дома и определять учителей по их избранию, то они, по всей вероятности, будут указывать на это, к соблазну православных, как на доказательство справедливости помянутой молвы.

О распоряжении, какое Вашей светлости угодно будет сделать вследствие настоящего моего отношения, благоволите, Милостивый государь, почтить меня уведомлением».

После этого архипастырского отзыва искание школ опять на некоторое время затихло. Рижские большаки были вполне уверены, что во что бы то ни стало они добьются школ своей общине и потому они не отказались от своей мысли, но только отложили ее. А тем временем разыгралась польская история, и правительство стало радушно принимать сочувственные заявления раскольников. Обстоятельства эти были слишком благоприятны, чтобы ими не воспользовался дипломатический ум раскольников. В Риге еще ко дню тысячелетия России было уже несколько ученых, филармонических и филантропических затей, в которых принимали более или менее участие раскольники, как бы приобщаясь таким образом к соревнователям отечественного просвещения. Там учредились: «Баян» – русское общество пения и изящного говорения, «Ладо» – женское филармоническое общество, «Клуб», «Общество для вспоможения русским приказчикам», «Общественная праздничная русская библиотека» (в которую не ходит ни один раскольник будто бы за то, что ее освящал православный поп), «Дневной приют для детей русских рабочих при библиотеке» (до сих пор еще, кажется, не утвержденный правительством) и наконец – центральное русское общество «Улей». Все это было ведено умно и ловко: раскольникам везде позволяли фигурировать. Не знаю, имел ли кто-нибудь в виду, что этот практический народ не станет хлопотать из-за того только, чтобы рисоваться в залах заседаний и щеголять словоизвержениями, составляющими главную деятельность русских ученых и неученых обществ. Но как бы там ни было, а двадцать человек тузов рижской раскольничьей общины, покуртизанив в либеральных собраниях с разноцветными либералами, зимою 1862 года составили просьбу и проект и представили эти бумаги лифляндскому гражданскому губернатору Этингену, которого они считают безукоризненным человеком и самым благонамеренным чиновником во всем Остзейском крае. [5] Просьба была об учреждении при гребенчиковском заведении сиротского дома на пятьдесят детей с училищем для обучения сирот до сдачи их в науку ремесленникам и купцам. На этот приют с училищем были собраны деньги, и все были уверены, что изменившиеся отношения правительства к расколу устранят прежние основания к отказам; но в приюте и училище, однако, снова отказано. Это огорчило и обескуражило всю рижскую общину,

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru и особенно Ломоносова, жертвовавшего на это дело шесть тысяч рублей, и Беляева, который из своих скудных средств тоже назначил на школу целую тысячу рублей. [6]

Я приехал в Ригу в дни самого высшего сетования на этот отказ. Раскольники были не только огорчены, но и рассержены. В это время они не хотели ни о чем рассуждать и вообще были очень далеки от способности верить во всякую возможность чего-нибудь вымолить у правительства. «Все надо бросить, нечего воду толочь да злить свое сердце», – говорили они отчаянно. Я все слушал терпеливо. В бароне Ливене встретил приятное убеждение в совершенной необходимости особых школ для раскольников и готовность ходатайствовать об этом у правительства. В канцелярии генерал-губернатора я занимался выписками. Все мои столкновения с официальными лицами с первого шага в Ригу прошли прекрасно и не изменялись до самого выезда оттуда. Даже они становились все лучше и лучше. Из людей, особенно любезно содействовавших мне в моих архивных работах, могу назвать правителя канцелярии г. Тидебеля, управляющего хозяйственной частью чиновника Дембовецкого, архивариуса г. Гоге и полковника Андреянова – последний оказывал мне даже небольшие услуги. Чиновников, кажется, нисколько не занимает все касающееся раскола, и знакомство их с русским сектаторством ограничивается несколькими заграничными брошюрами о расколе.

Письма, взятые мною из Петербурга, почти ни к чему мне негодились. Люди, важные, по мнению петербургских раскольников, оказались людьми плохонькими, ничтожными и не имеющими ни собственных убеждений, ни веса в обществе, ни решимости что-нибудь делать. Это было очень неприятно. Раздражение, вызванное подоспевшим к моему приезду отказом в разрешении школы, еще более увеличивало мои затруднения. Я боялся дискредитировать себя сношением с чиновниками и не мог избегать этих сношений. Хотя я и мало дорожил архивными материалами, зная, что стоит войти в доверие у раскольников, и я буду иметь все эти сведения, но внимание барона Ливена и общая услужливость со стороны гг. Гоге, Дембовецкого и Андреянова не позволили мне устроить себе инкогнито. Я поговорил с бароном Ливеном и высказал ему желание уйти из города на русский форштат, барон Ливен был совершенно согласен со мною. Я познакомился с Ломоносовым, и он, доведя меня в своем экипаже до отеля, штудировал меня целую ночь. Утром он хотел приискать мне квартиру, но вместо того в 11 часов пришел с Беляевым и экономом гребенчиковского заведения Ионою Тузовым. Опять штудировали меня, а о квартире ни слова. Завтра опять то же и послезавтра то же. Я видел, что мне не верят, не понимают моей миссии, что такая цель странна для людей, привыкших к шпионам. Я все терпел покойно и давал шупать себя, как хотели, отвечая на все прямо и откровенно, не прикидываясь ни либералом, ни правительственным агентом. Правда взяла свое. Наконец меня перевезли на Московский форштат, но не на особую квартиру, а в дом эконома Ионы Федотовича Тузова. Я не дал заметить, что понимаю мой почетный арест, и поселился жить под полицейским надзором моего хозяина. Полная откровенность действий скоро уничтожила все опасения; два месяца мы прожили с Ломоносовым, Беляевым, Волковым и Тузовым в самой тесной приязни. В свое время я писал лицу, поручившему мне сделать эти изыскания, что вождь партии, враждебной Ломоносовской, Петр Андреевич Пименов (нынешний попечитель) даже избирал меня быть их примирителем. С «отцами духовными» я тоже сошелся и заслужил у них мнение, довольно выгодное для меня, «еретика-нововера» и еще «табачника».

Но шли дни с жирными обедами и задушевными беседами, а я узнавал очень мало. «Погоди, – отвечали мне. – С летам все узнаешь». Я сидел в архиве, ездил с раскольниками за город, на общественную мызу Гризенберг, со всеми стал как свой, а по вечерам и ночам таскался в черные дыры раскольничьего пролетариата, где узнавал мало нового к вопросу о школах, но нашел много вещей необыкновенно интересных в беллетристическом отношении. Все шло отлично, но главного – потаенных школ и секретных учебников я все-таки не видел. «Погоди» да «с летам узнаешь», – отвечали мне на мои расспросы. Зная раскольничьи нравы, я не настаивал и не напрашивался, а в последних числах июля стал говорить об отъезде. Таким образом, исключалась возможность познакомиться меня со школами «с летам», а нужно было сделать это немедленно или уже совсем не делать. Я знал, что раскольники уже крепко уверены, что я приехал не для какого-нибудь злого дела, и ничем не рисковал. В крайнем случае я мог оставаться под множеством весьма уважительных предлогов. В это время Ломоносов видимо колебался: вести ли меня в школу или нет? Наконец, взятый мною один раз шутя, врасплох, повел. Получив доступ в секретную школу, я перестал говорить об обратной поездке и, отложив ее, остался в Риге еще на две недели.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Вот что я вынес из моего знакомства с лучшей из потайных раскольничьих школ в Остзейском крае.

Школа находится на Московском предместии на песках, возле так называемого «Старого Андрея», в небольшом домике Аллилуева, № 43. Она помещается в трех очень небольших, но светлых и довольно чистых комнатах, за наем которых платит Ломоносов. В одной, самой большой из этих трех комнат, живет учитель, мещанин Маркиан Емельянов (по уличному прозвищу «Мáрочка») и его жена; во второй учатся мальчики, а в третьей девочки. В настоящее время в школе учатся двадцать два мальчика и одиннадцать девочек. Мальчиков учит сам Мáрочка, а с девочками, якобы под его наблюдением, занимается его жена. За обучение детей, так же, как и за наем школы, платит Григорий Семенович Ломоносов с каким-то участием Беляева. Никаких общественных сборов на эту школу не производится, частью по неудобству разглашать о существовании секретной школы, частью же потому, что г. Ломоносов не нуждается ни в чьем денежном содействии, и, наконец, кажется, всего более потому, чтобы избежать неприятных столкновений с дуроломством, в котором нет недостатка в каждой неотесанной общине и тем паче в общине раскольничьей. Этого захочешь избежать везде, а особенно в Риге, где кипит непримиримая злоба двух раскольничьих партий: демократической, эксплуатируемой Пименовым как бы в назидание людям, почитающим поголовную подачу голосов за последнюю форму европейской цивилизации, и аристократической, во главе которой стоят Ломоносов, Беляев, Тузов, Волков, Великанов и еще человек двадцать, способных понимать, чем отличаются снетки от простой маленькой рыбки. Теперь дело школы идет просто, по-русски, без всяких формальностей. Найдет Ломоносов или Беляев скитающегося сиротку, погладит ребенка по макушечке и отошлет в школу, приговаривая: «Ходи, учись – умник будешь, человек будешь». Приведет мать или сестра ребенка – опять то же самое: никаких разговоров, ни расспросов: «веди его к Мáрочке», и всего разговора столько. А там уже Мáрочка всех принимает и лишь в счетце, подаваемом Ломоносову раз в четыре месяца, пишет: «По благоволению Григория Семеновича Ломоносова поступило учеников с 1 января 1863 года по 1 мая:

Января 1. Ефим Марков (сын вдовы).

Марта 1. Григорий Филиппов (сын вдовы).

Артемий (неимуций).

Сидор (сын вдовы).

Павел (ни отца, ни матери).

Апреля 6. Авдотья (сирота круглая)», и так далее.

Штата определенного нет, школа принимает всякого, хотящего учиться, и выпускает всякого, нашедшего какое-нибудь другое занятие. Оттого цифра учеников и учениц Мáрочки постоянно колеблется. Раскольники, за весьма редким исключением, о котором не стоит даже и упоминать, вообще не признают никакой пользы в более или менее основательном образовании и даже редко дают своим детям исчерпывать до дна глубину премудрости, сидящей под пьяным черепом Мáрочки. Круглые сироты остаются далее, пока или Мáрочка не скажет, что ученик «отучился», или меценат – Ломоносов не определит его куда-нибудь к купцу или ремесленнику. Вообще в школу отдают не выучиться, а, по здешнему местному выражению, «мало-мало подучиться». Чуть ребенок начал скоро читать и выводить каракули – курс кончен, «к делу» его, ибо учение вовсе не дело, а так, что-то и нужное и ненужное, Бог знает, что оно такое! В школе Мáрочка учит читать по церковнославянским букварям прусской печати, псалтырю и часовнику. Жена его учит тому же самому девочек. Кроме того, Мáрочка, бывший до женитьбы певчим в моленной, учит детей тянуть нараспев «начал» по старой «столповой» методе (*cantus planus*); а некоторых, имеющих хорошие голоса (как, например, мальчика Филиппа), учит трудному «демественному» пению по крюкам. Таким-то образом приготавливаются новые певцы в певческий хор моленной, которому полиция препятствует формироваться и который все-таки не оскудевает. Более Мáрочка ничему не учит и учить не может, ибо сам ничего не знает. Детей здесь даже не учат чтению гражданской печати, находя это совершенно излишним. Говорят: «Этому они сами научатся, нам бы только подучить, и довольно». Мáрочка – мужик неглупый и не рьяный фанатик, мне даже удалось его урезонить, что детям полезно было бы читать и объяснять священную историю, и он выразил сильное желание заняться этим, но новых руководств с именем Христа, написанным через два *ï*, они не могут дать детям, а старые евангелия и,

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru особенно, библии продаются чуть-чуть не на вес золота. Вообще книги раскольничьи, печатаемые за границей, все очень дороги: так, например, десяток азбук в оптовой покупке стоит три рубля, часовник от 4 р. 50 коп. до 6 рублей, псалтыри еще дороже. А во всех этих книгах ровно нет ничего противного духу господствующей церкви, и достать их всегда можно столько, сколько пожелают. Св. Синод совершенно напрасно упускает солидную статью дохода, который ему могла бы дать продажа древлепечатных книг, не содержащих в себе ничего противного христианскому учению. Если ему неудобно дозволить печатанье их в своих книгопечатницах, то можно бы очень выгодно уступить право издания таких книг еретикам, избавив таким образом последнюю страницу издания от дурно ценимой еретиками приписки о почиищем на книге благословении Синода, а приходских священников от соблазна, поддерживаемого слабостью раскольников выкупать у духовенства книги, забранные у них правительством. На Литве уже это теперь очень гласно делается: как-то будто даже и зазорно становится в интересах православия.

В самом преподавании М̄рочки нет никакой системы. По-моему, жена его гораздо лучше учит, чем он сам. По крайней мере, она не считает обязанностью орать на детей зычным голосом, и ее ученицы читают ничуть не хуже учеников ее сожителя, а смотрят несравненно смелее и смысленнее. В школе этой, как уже сказано, довольно часто меняется комплект учеников, но Марочка не стесняется учить их всех разом: у него учащиеся букварю сидят обок с проходящими псалтырь, а те – с учащими часовник, и как все читают вслух, то выходит такое безобразнейшее попури, что нельзя надивиться, как раскольничий педагог может в нем что-нибудь уследить и понять. К этому еще надо прибавить, что по дороговизне книг не у каждого ребенка есть своя книга, и они или вдвоем лупят по одной книжке вперегонку или передают друг другу, бессмысленно останавливаясь на конце страницы, хотя бы страница заканчивалась серединою фразы. Напрасно кто-нибудь спросил бы М̄рочкина ученика: «Разумеешь ли, яже чтеши?» Никто ничего не понимает, а болтает как попугай и нудится этою тяжелою наукою, не способною нимало интересовать учащегося. Ученики одеты бедно, во что попало, большая часть босиком, но особенной нечистоты нет. Когда я впервые вошел в школу, там стоял гул – словно молодой рой отроился. Это дети выкрикивали, как евреи в шабаш. Жена М̄рочки стояла с чулком у окна у девочек, и Марочка, изрядно пьяный, валялся на лежанке в своей комнате и сильно растерялся. Вообще он человек, которому никак нельзя доверить воспитание детей, и все, что я о нем слышал, нимало не говорит в пользу его педагогических способностей; но у раскольников «по нужде» все терпится. Школа М̄рочки интересна как секрет и как образец раскольничьих школ, исчезнувших вследствие правительственного преследования. Из встреч со многими воспитанниками этих школ и из самых чистосердечных разговоров с ними я убедился, что их учили только тому, чему учит своих учеников М̄рочка: все они пишут безграмотно, не знают ни грамматики, ни географии, ни Священной истории; не знают даже оснований своего толка и спорных пунктов с господствующей церковью. Школа М̄рочки – учреждение вполне ничтожнейшее, но имеет огромное отрицательное значение. Она ясно убеждает в негодности школ, устраиваемых самими раскольниками без руководства людей просвещенных. Видя в ней новое повторение стертых с лица земли старых школ, становится несомненным, что нужно заботиться не о возрождении этих школ, как кажется многим «прельстившимся сонями» и забывшим, что «без лжи совершится закон и премудрость», а учредить школы новые, с новыми людьми за учительскими столами и с новыми книгами стародавнего содержания, но учредить их так, чтобы в целом курсе учения, целесообразном требованьям здоровой педагогики, не было ничего оскорбляющего и порицающего отеческие предания староверов. Нужно учредить такие школы, чтобы они были по нраву без различия большому числу староверов различных толков, и особенно наиболее распространенных. Для этого, по моему мнению, в школах вовсе не нужно преподавать никакого катехизиса и церковной истории, а весь курс религиозного образования ограничить изучением Священной истории по нарочно составленному учебнику. Терпеть Марочкину и другие ей подобные школы, как их благородно терпит нынешний генерал-губернатор Прибалтийского края, пока правительство относится к этому делу так, как оно к нему теперь относится, весьма резонно. Мне известно, что барон Ливен знает о существовании секретных школ, но не считает нужным их преследовать. «Пусть лучше чему-нибудь учатся», – сказал он мне, прощаясь со мною перед отъездом своим из Риги. Подчиненные барона Ливена хорошо понимают его политику, но в школу М̄рочки дети до сих пор входят по одному, да по два и так же выходят, чтобы не дать полиции подозрения о существовании школы. Не может быть, чтобы падкая на наблюдения за раскольниками полиция до сих пор не пронюхала существование М̄рочкиной школы, но ясно, что, зная генерал-губернаторский взгляд на это дело, она не смеет приложить руки к М̄рочкиной профессии.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
Это, повторяю, совершенно понятно. Но желание «прельщенных сонями» разрешить такие школы и отдать их в таком-то виде под опеку министерства народного просвещения было бы в высшей степени несвоевременно. Что касается до меня, то я решительно отвергаю всякую возможность предоставить образовательную инициативу необразованному расколу. Из этого кроме шутовства ничего не выйдет, точно так же, как ничего не выходит из приглашения раскольников в общие школы, за порог которых может свободно переступить нога попа господствующей церкви.

Учреждение таких школ не представляет ни особенных затруднений и никакой опасности. Для них можно часть взять в образец открытое при мне «приходское училище при единоверческой церкви св. Михаила Архангела в Риге», а часть кое-что изменить в программе. Самое название этой школы свидетельствует, что она не общая, а исключительно староверская школа, но между тем она существует с ведома правительства; она не запрещена, следовательно, она позволена. А если староверы, принявшие архиерейское благословение, не хотят мешать своим детям с православными и учреждают особую школу, то как же добиваться, чтобы староверы, не принимающие архиерейского благословения, пустили своих детей в общие школы? Я здесь не вижу ни последовательности, ни... всего другого, даже осторожности и любви к родине и ее спокойному развитию.

Школа при единоверческой церкви завелась очень просто. Некто г. Гутков, бывший некогда лектором латышского языка при Рижской православной семинарии и имеющий диплом на степень домашнего учителя, давно занимался обучением купеческих детей на Московском предместье. Его знают все, от архиерея Платона, до последнего пильщика с Двинской набережной, и раскольники считают его своим человеком. Когда шло дело о школах, до последнего отказа, – то они, очевидно, прочили его себе в учителя, и он ждал этого. Но, когда дело разрушилось обычным отказом в праве «поучить детей по древним книгам», Гутков сошелся с обществом староверов благословенной церкви и, по праву приходского или домашнего учителя, открыл упомянутое училище. У него еще очень немного учеников, но он прекрасно устроил свою школу в помещении, отведенном ему во дворе единоверческой церкви. Школы Гуткова ни в каком отношении нельзя сравнивать со школою Мäрочки: это действительно школа, и Гутков действительно приходской учитель. Одно только дурно, что по семинарской привычке он все бьет детей «по пальчикам», но в самом расположении школьной комнаты, рассадке детей, по манере объяснять – словом, во всех приемах виден учитель опытный и способный. Я делал многим из его учеников разные вопросы, и в каждом ответе видел толковость, делающую хорошую рекомендацию способностям учителя. А этого самого Гуткова рижские староверы беспоповщинские охотно бы приняли в то время, когда они ждали ответа на свою последнюю просьбу.

По программе, составленной Гутковым, в училище при староверской благословенной церкви предполагается проходить следующие предметы:

1. Закон Божий:

- а) Молитвы.
- б) Священная история.

2. Русский язык:

- а) Практическо-грамматические правила русского языка.
- б) Правильное и четкое чтение по-русски.
- в) Русское чистописание.

3. Арифметика:

- а) Первые четыре правила простых и именованных чисел.
- б) Дроби и тройные правила.

4. Немецкий язык:

- а) Правильное и четкое чтение по-немецки.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

б) Изучение наизусть немецких слов.

в) Словесные и письменные переводы с легких фраз и далее.

г) Немецкое и латинское чистописание.

5. Рисование (моделей, планов и ландшафтов).

6. Церковное пение и славянское чтение.

7. Обозрение географии и всеобщей истории.

Училище будет состоять из двух отделений.

Я имею основание думать, что это училище в своем ограниченном мире принесет очень много пользы, и притом не стоя правительству ни одного гроша.

Несомненно, что такое же училище Гутков устроил бы и для беспоповщинских раскольников, если бы им это было разрешено, и дети из этого училища вышли бы далеко лучшими гражданами, чем из школы безграмотного и вечно пьяного экс-певчего Мårочки, а родители их питали бы совсем иные чувства к правительству, которому они если и не делают зла, то и навряд ли желают много добра. Они не станут вредить ему теперь, но, как полагает полковник Андреянов, могут при случае взять и не его сторону, а полковнику Андреянову это ближе знать, чем мне или кому-нибудь другому. Во всех воззрениях на тенденции раскола я, не стесняясь полемическими спорами последнего времени, искренне разделяю мнения П. И. Мельникова, единственного, по моему мнению, беспристрастного современного писателя о расколе, и так же, как он, я решительно не верю в способность раскольников к открытому восстанию. Не верю я этому потому, почему не верю вообще в революционные движения парижских эпископов. Но приводя себе на память их повсеместный ропот против правительства, припоминая историю, случившуюся в Риге при отбирании метрических книг из моленной, когда все предместье было чуть-чуть не в осадном положении, обращая, наконец, внимание на то, что при самом приглашении раскольников к подписанию сочиненного от их имени верноподданнического адреса в их среде поговаривали: «Мы вне закона, нам нельзя подавать адреса», – я готов думать, что раздражать раскольников в угоду духовенству господствующей церкви решительно не следует. Отцы нашей церкви, совершенно разошедшиеся в своих воззрениях с обществом просвещенным и вовсе непросвещенным народом, вряд ли могут проречь все, что может случиться. В государственных же интересах разрешение либерального стремления «поучить своих детей по старопечатным книгам» не может вести за собою ничего, кроме общественного сочувствия, которым сильно правительство раздробившейся на тьмы сект Великобритании.

После всего мною сказанного считаю обязанностью изложить мое личное мнение о том, что бы следовало правительству сделать ввиду нынешних неотступных ходатайств раскольников об открытии для них особых общественных школ.

1) Я убежден, что все усилия склонить раскольников к начальному обучению их детей в общих школах с православными будут напрасны. Ни мягкие меры, ни крутые, к которым, кажется, правительство уже не намерено более обращаться, одинаково не принесут никакой пользы. Первые сделают смешное и во всех отношениях невыгодное фиаско, а вторые только поддержат двухвековое упорство и сделают врагов из людей, готовых нынче забыть правительству все свои обиды.

2) В этой же самой мере я убежден, что единственный способ выйти хорошо из положения, в которое ставит правительство раскольничье домогательство особых школ, – как можно скорее разрешить учреждение таких школ.

3) Особые школы нужны только для первоначального обучения (приходские), а раскольничьих детей, поступающих в уездные училища, гимназии и высшие учебные заведения, следует поставить в такое же независимое положение от православного законоучителя, в каком находятся дети лютеран, католиков, кальвинов и вообще христиан неправославного исповедания, обучающиеся в русских гимназиях, лицеях и университетах. Нужно освободить их от слушания уроков закона Божия и богословских лекций, освободив в то же время и от испытания по этим предметам.

4) В видах справедливости необходимо немедленно разрешить раскольникам сдавать установленные экзамены на звание приходских учителей; а если это опять найдут невозможным, то не лучше ли оставить все, как оно есть, и ничего не делать, ибо из всех половинных действий выйдет только полный неуспех,

и 5) Я признаю не только бесполезными, но положительно вредными всякие полумеры и не предвижу никакого добра, если необходимые по моим соображениям уступки раскольничьим мольбам о школах будут делаться не разом, а в известной постепенности, по частям, одна за другою. Постепенность – вещь в некоторых случаях прекрасная, но у нас ее так боятся и так мало верят в благие продолжения слабо выражающихся во внешности благих начинаний, что реформы, вводимые постепенно, по деталям, встречаются у нас со злобною насмешкою, как фикции, которыми отводят глаза народа. А не должно забывать, что раскольники народ вообще чрезвычайно тонкий и практический и они очень хорошо понимают выгодные стороны положения людей, имеющих право жаловаться на угнетения. Они возьмут частицу уступок, воспользуются ею, но никогда не перестанут плакаться на недостаток удержанной доли просимой свободы. Они будут охотно поддерживать этим в молодом поколении ту ненависть и презрение к церковникам никонианам, о которой говорит автор «Истории Преображенского кладбища». Гонение тоже есть сила. Смешно утверждать, а можно положительно сказать, что раскол, плачась на свою долю, нередко смотрит на все эти странные гонения, как на раны, которыми облегчается внутренний недуг организма. Многие это так именно и понимают и любят свои гонения, как худосочные люди любят свои раны. Раскольники, привыкнув красоваться синими рубцами, настеганными на груди «древлего благочестия», кажется, не будут знать, что делать, когда заживут эти рубцы страдания. Один, самый рассудительный и дальновзоркий из рижских «отцов», слушая как-то разговоры о расширяемой понемножку свободе совести, сказал: «Ох, не зашибла б нас эта свобода больше гонения. Против гонений-то мы обстоялись, а против свободы-то БОГ знает, как стоять будем». Но расширяя права раскольников хоть бы и в одном учебном вопросе, нельзя обходить чего-нибудь, полагая, что «это важно, этого и довольно, а это не так важно и без этого они могут обойтись», – нужно, как говорится, съест с раскольниками по крайней мере три пуда соли вместе, чтобы понимать, как этот народ, выросший в споре о мелочах, высоко ценит каждую мелочь и придирается ко всему с ядовитым крючкотворством французского судьи. У них и «нужда изменяет закон», и все, стало быть, возможно «нужды ради»; но и «еще праведник согрешит, не помянутся все правды его». Нужно непременно отнять у них всякую возможность жаловаться на неравноправие перед законом и, в особенности, на недоступность образования, тем более, что это в настоящее время как нельзя более легко и удобно.

Относительно устройства просимых раскольниками школ, мне кажется, нужно поступить таким образом:

1) Определить минимум общества, которое имеет право просить об открытии школы.

Мне частным образом известно, что в министерстве внутренних дел есть соображения о том, из какого числа душ должно состоять раскольничье общество, имеющее право на учреждение моленной. Может статься, эти соображения, в известной соразмерности, можно бы применить и к вопросу о школах.

2) Дозволить открыть училища на общем основании приходских школ с подчинением их прямому наблюдению местной дирекции училищ, как это было в Риге до закрытия школы при гребенщиковском заведении.

3) Всякое иное влияние сторонних ведомств на эти школы совершенно устранить, ибо это ни к чему не поведет, кроме жалоб с одной стороны, придинок – с другой и беспрерывных неприятных столкновений чиновников двух различных ведомств, – а дитя у семи нянек будет без глаза.

4) Содержание школ предоставить самим общинам, не требуя на них никакой правительственной субсидии, ибо в общем эта субсидия значительно обременит государственный бюджет, а в частности – для каждой школы принесет очень мало пользы. Средства, отпускаемые правительством на содержание приходских школ, так миниатюрны, что раскольничьи общины никогда не посетуют на лишение их этих субсидий. Пожалуй, по некоторым соображениям, они, чего доброго, будут еще очень рады от них освободиться.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru

5) Преподавание в приходских раскольничьих школах вверять только людям, имеющим установленные дипломы.

6) Имея в виду, что раскольники ставят как *conditio sine qua non*, [7] чтобы за общинами было признано право избирать учителя для своей школы и представлять своего избранника на утверждение подлежащей власти, даровать им это право с тем, чтобы община всякий раз представляла кому будет назначено по крайней мере двух кандидатов, из которых один и может быть утвержден, если будет отвечать всем требуемым от учителя условиям.

и 7) Не возбранять раскольникам экзаменоваться теперь на степень учителя и экзаменовать их без малейшего послабления, но и без усиленных строгостей, не требуя от них при этом представления законных метрических свидетельств, которых у них нет, потому что почти все они значатся незаконнорожденными, а их выписки из книг моленных законом не принимаются. Совершенно достаточно ограничиться требованием письменного вида. Отказ в допущении раскольников к экзаменам на степень приходских учителей или требование от них документов, которых у них нет, будет мерю весьма печальною. Не говоря о том, что отказ в праве избрания и представления учителей непременно парализует все дело, предоставление этого права мне кажется и весьма справедливым. Какое опровержение можно привести против права родителей избирать наставников своим детям? Едва ли можно найти такое опровержение, а если и можно, то оно будет неестественное, вымышленное, натянутое на старый педагогический подрамок. Дело власти, регулирующей школьную операцию, в настоящем случае прямо ограничивается определением средств представляемого кандидата на занятие должности, к исполнению которой он назначается. Но, не говоря уже о том, что недопущение раскольников к экзаменам будет очевидным устранением их от гражданского равноправия и новым постановлением их «вне закона», правительству нет оснований бояться большого количества учителей раскольников. Их нет в настоящее время, а приготовить их не так-то легко. Это очень хорошо знают сами раскольничьи общины, соглашающиеся принять учителей православного исповедания, и не хуже их знаю это я, сталкиваясь с поразжающим невежеством док, слывших в своих муравейниках за мудрецов, философов и звездочетов. Можно смело утверждать, что на первое время учителя из раскольников на всю массу учителей, нужных для раскольничьих приходских школ, вряд ли составят один процент. Остальные девяносто девять процентов все будут или православные, или даже немцы, которых не прочь принять многие общины. Да и вообще одни только раскольники Остзейского края упорно хотят непременно учителя из своих с самого начала школ; но и они, я уверен, не откажутся взять иноверца, если из ихних не найдется готового человека. Об этом у меня было много говорено, и, после многих и всегда жарких споров, дело оканчивалось тем, что «ну хорошо, ну немца возьмем». И, по-моему, немец или вообще иноверец для раскольников во многих отношениях удобнее православного, особенно в Остзейском крае, где немцы были постоянными защитниками раскольников от притеснений русского православия и где раскольник не возражает немцу, когда последний зачастую говорит: «Вы ведь только по нас и целы, а ваши давно бы вас заели». По возвращении моем из Риги у меня были мои петербургские знакомые: федосеевцы, поморцы и последователи Аристова согласия. Они все согласны принять к себе православного учителя. Я писал об этом в Ригу отцу Евстафию, а тот показал мое письмо Беляеву, и на днях я получил от Беляева уведомление, что и он непременно желает иметь для рижской школы учителя из людей просвещенных. «Знаю я, пишет он, что такие за учителя будут из наших! На школы с нашими учителями и жертвовать не стоит». Отец Евстафий, великий почитатель Беляева, тоже пристал к его мнению, а мнение духовного отца в таком деле – вещь большой важности. Отказывать же в допущении раскольников к экзамену при первом учреждении школ просто невозможно. Это значило бы предрешать события не в пользу раскольничьего образования и не в пользу собственную, ибо если раскольникам открыть двери в средние и высшие учебные заведения, то, само собою разумеется, из них многие получают ученые степени, а с ними и права на педагогическую службу. Как же тогда? Не давать мест – это значит не мириться с невежественным расколом, а ссориться с расколом образованным. Многие, и особенно либеральные чиновники, любят утверждать, что «образование есть вернейшее средство к искоренению раскола». Не хочу с этим спорить, тем более, что не понимаю смысла всех хлопот, подъемлемых кем бы то ни было во имя искоренения какого бы то ни было не вредящего общественному спокойствию верования. Но полагаю, что выражаемая надежда искоренить раскол одним образованием верна вполовину или, по крайней мере, решение ее весьма условно. Образование несомненно уничтожит раскол, если рядом с открытием раскольникам всех средств к образованию правительство не оставит и следа каких бы то ни было ограничений сектаторов в гражданском равноправии со всеми. Но если

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru этого не будет, то лучшие молодые люди из раскольников не бросят раскола потому, что лучшие люди никогда не бросают своих собратий, пока этим собратиям хуже других. Это старая история, которая, однако, будет нова до конца человеческого рода. Уже теперь есть такие раскольники, а с образованием их будет еще более. Следовательно, как же тогда станет вопрос? Переметчиков, изменяющих вере и обществу по расчету, что это выгоднее, правительство станет принимать, а людей твердых, предпочитающих делить скудные права своих собратий, оно лишит и прав, приобретенных ими по образованию?.. Не хочется верить, чтобы это было так, а иначе быть не может, если теперь предрешить вопрос об учителях раскольничьих положительным отказом. Если же этот отказ выразить в виде временной меры, то результат прямой: никто из раскольников не станет приготавливаться к педагогической деятельности, мера эта не приобретет правительству раскольничьих симпатий, и опять будет широкое раздолье жалобам, не лишенным большой доли основательности.

Насчет чисто педагогического устройства школ я думаю так:

- 1) Школы устроить двухклассные с третьим, пригготовительным, отделением.
- 2) В пригготовительном отделении обучать детей чтению и письму по такому методу, какой признает удобнейшим учитель. Всего лучше бы, разумеется, было держаться прекрасного метода г. Золотова, но этого невозможно назначать обязательным. Может быть, со временем учителя и найдут средства перейти к золотовскому обучению, но теперь нужно ввести буквари, напечатанные точь-в-точь с секретного букваря прусской печати. Как ни пошл и тяжел этот глупый букварь, нужно покориться смешной необходимости и дать его, ибо раскольники видят в нем прелесть неизреченную и кроме его или другого секретного букваря польской печати (который все-таки в меньшем почете), по другим букварям учить детей не согласятся. Там все эти «оксии», «исо», «оварии» имеют для них свою сласть несказанную, и никто не решится лишить свое чадо блаженства, сокрытого в этой гадости. Имея в виду, что раскольники обыкновенно учат детей лет с семи до четырнадцатилетнего возраста, а весь курс их специальных школ будет очень невелик, можно им доставить удовольствие держаться своих просодий и учить год тому, чем по лучшему методу легко можно бы выучить в месяц, иначе, я говорю, ничего не поделаешь.
- 3) В 1-м классе учить: Священной истории (Ветхий Завет), грамматике, краткой всеобщей истории (древней и средней), краткой математической географии, арифметике до дробей, чистописанию и черчению. Последнее особенно важно, ибо раскольники вообще желают видеть своих детей пригготовленными к поступлению в науку к строителям, фабрикантам, заводчикам, каменщикам и т. п., где черчение очень нужно.
- 4) Во втором классе: Священная история (Новый Завет), грамматика (окончание), история (до наших времен), краткая физическая география, арифметика (дроби, хоть до смешанных дробей), чистописание и копирование планов и моделей.
- 5) Из второго класса выпускать по экзамену со свидетельствами, похвальными листами, похвальными книгами и прочими школьными наградами.
- 6) Обучение Священной истории, по избранному руководству, не возлагать ни на какое духовное лицо, а пусть ему учит тот же учитель. Мудрость очень небольшая и в новую ересь никто не впадет от чтения библейских и евангельских историй. По крайней мере в школе этого не случится, а за школой может быть все, и от этого не упасешься.
- 7) У раскольников есть в обычае учить мальчиков вместе с девочками, и им очень хочется удержать это обыкновение и в ожидаемых ими новых школах. Я лично не вижу причин отвергать совместного обучения детей без полового различия и, следя за горячею полемикою педагогов по этому вопросу, всегда склонялся на сторону поборников совместного учения; но думаю, что это единственный пункт, в котором раскольникам можно и отказать, если нельзя устранить соображений, по которым у нас не допускаются классы, общие для мальчиков и девочек. А лучше бы, кажется, и это дозволить, наблюдая только, чтобы дети были удобно размещаемы в классных комнатах.
- 8) При приеме детей в школу не требовать от их родителей или родственников никаких метрических свидетельств, ибо в общине всегда происхождение ребенка

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru более или менее известно и в метрике никакой нужды нет. А между тем метрические свидетельства могут быть большим препятствием к соединению в школах детей, принадлежащих к разным соглашениям раскола. Раскольники часто скрывают свои верования, а все они охотно отдадут детей своих в одну школу, ибо старые книги у всех у них одни и те же, не исключая даже катехизиса. Но как в катехизисе уже есть несколько вопросов, возбуждающих спорные толкования, и к тому же «нововеру» или немцу нельзя изъяснять «артикулов веры», составленных и напечатанных при царе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе, то я и нахожу необходимым вовсе исключить катехизис из программы школ. Пусть дети в школе сходятся, а не расходятся. Катехизису же они могут учиться дома или в праздники у духовных отцов, каждый по-своему.

9) В отношении отчетности чисто педагогической, учителей нужно подчинить на общих основаниях местной губернской дирекции училищ; а в экономической – общине, удерживая, однако, за дирекцию право наблюдать, чтобы школа содержалась в помещении здоровом, чистом и светлом, а у учителя были под руками все нужные по программе учебные пособия.

Учебные пособия, т. е. книги, составляют весьма важный и щекотливый предмет.

Раскольники как круглые невежды во всем, касающемся образования, имеют об этом предмете самые чудовищные понятия. Уши вянут, слушая, чего им хочется. Букварь чтоб был старый, с прусского, и чтобы на нем не было напечатано ни «по благословию Синода», ни «печатано при типографии единоверческой церкви»; часовник и псалтырь чтобы были признаны главными предметами преподавания в школах, а Священной истории вовсе не нужно, но так, «для баловства», можно «поучить» и ей, только «по старой книге», тогда как никакой такой старой книги не существует. Грамматику ввести изданную при царе Алексее Михайловиче, и при нем же изданный катехизис («Собрание краткия науки о артикулах веры», издана при патриархе Иосифе в Москве в лета 7157). Наконец, им даже хочется какую-то допотопную арифметику, соединяющую в себе все неудобства к обучению. Раскольники, за небольшим исключением, склонны верить, что весь мир только и заботится подкопаться под старую веру и повредить юные лозы в винограднике древляго благочестия, а невероятное невежество, при котором они не могут определить предмета ни одной науки, заставляет их страшиться всех новых книг и подбивает домогаться во всем одного старого. Нелепость соображений, высказываемых ими при этих требованиях, неопишима, и удовлетворять этих требований не следует ни под каким видом, ибо нельзя вводить просвещение орудиями, способствующими затемнению всякого света. Но хорошо изведанный характер раскольников не позволяет и резко противодействовать их симпатиям к своим безобразным древностям. При первом таком покушении их крючкотворные начетчики, в существе гораздо большие невежды, чем сама безграмотная масса, сейчас истолкуют, что «нововеры» боятся старых книг, ибо в этих книгах сокрыт кладезь премудрости, способный обличить суемудрие нововеров. А стоит разойтись такой болтовне, и дело пропало. Тут нужно действовать терпеливо, осторожно и рассчитанно.

Для школ нужно напечатать славянским шрифтом:

1. Букварь точь-в-точь с прусского букваря, не печатая на последней странице неизбежного благословения святейшего Синода, ни напоминания о единоверческой церкви.
2. Священную историю – шрифтом, подобным рукописному уставу с цветными буквами в зачалах. Историю напечатать с синодального издания с выпуском двух незначительных мест на стр. 64 и 73 или же с заграничного издания, вышедшего в Карлсруэ. Имя Христа везде должно печатать *Їсус*, а не *Їисус*, и Давида – Давыд, и если предположено будет перепечатывать историю, изданную в Карлсруэ, то изображение Христа нужно выпустить, ибо рисунок этот не отвечает требованиям раскола.
3. Грамматику, географию и арифметику пусть дают детям, какие признает удобными учитель, но рекомендовать можно бы грамматику Иванова (принятую в училище правоведения), арифметику – изданную департаментом народного просвещения, а географию – вообще употребляемую в приходских училищах и обязать преподавателей учить детей, применяясь к этим учебникам. Если учителя будут знать, что учеников их станут экзаменовывать, придерживаясь известных учебников, то они сами почувствуют необходимость не удаляться от этих учебников. Но никак не должно

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru стеснять учителя на каждом шагу, ибо иначе положение его будет невыносимо. Раскол свиреп и мстителен. Рассказывают, что старичок Желтов был человек очень толерантный и учил детей, пробуя, как лучше. За это, когда правительство закрыло раскольничьи школы и дряхлому учителю, приобретаемому известность добрейшего и бескорыстнейшего человека, стало нечего есть, община не хотела его даже пустить в богадельню как еретика и соблазителя. По-моему, не в том дело, чтобы сразу явились прекрасные приходские школы, а в том, чтобы были школы сносные, чтобы было положено начало, которому рядом благоразумных мер можно давать надлежащее развитие и вести его к совершенной зрелости. Часовник и псалтырь не вносить в программу, но дозволить обучать по ним чтению. До катехизиса и церковной истории не касаться. Предложить специалистам: не найдет ли кто-нибудь возможности составить грамматическое руководство во вкусе «Грамматики родного языка» г. Половцова, которая так нравится раскольникам за свой шрифт, но не может быть принята ими за один пример («патриарх Никон в унижении!»).

Если сделать так, как я думаю, то тысячи раскольников откажутся от школ, найдут их еретическими и вредными, но тьмы тем бросятся в них и через два, а много три года увлекут за собою отсталые тысячи, и дело просвещения людей, на каждом шагу тормозимых своим невежеством, несомненно пойдет.

Это все, что я могу сказать, стараясь по мере сил моих служить уяснению положения учебного вопроса в одной из многочисленнейших, сильнейших, самостоятельнейших и, смею думать, образованнейших раскольничьих общин в пределах Русского государства.

23 сентября 1863 г.
С.-Петербург.

Примечания

1 Записка эта составлена г. Лесковым, который в 1863 г. был послан министром народного просвещения в Ригу для собрания сведений о школах тамошних раскольников. Вот что писал министру народного просвещения тамошний генерал-губернатор барон Ливен 19 августа 1863 г. за № 3241: «В ответ на письмо вашего превосходительства от 10 прошлого июля за № 172 имею честь сообщить Вам, милостивый государь, что я предоставил литератору Н. С. Лескову для теоретического изучения раскольнических школ все касающиеся этого предмета дела моей канцелярии, где он занимался постоянно; а для того, чтобы видеть и ознакомиться с действительной жизнью здешних раскольников, с внутренним их бытом, г. Лесков поселился между ними и жил у одного из них. Предоставляя Вам самим судить о результате занятий г. Лескова в Риге, я скажу лишь, что вполне разделяю высказанное им в разговоре со мною и попечителем рижской раскольнической богадельни жандармским штаб-офицером Андреяновым мнение о необходимости элементарных школ для раскольников, и притом школ, не смешанных с православными. Необходимость в школах для раскольников я признаю не только в видах личного образования их, цели самой по себе благодетельной, но и в том убеждении, что школы представляют одно из действительных средств для столь желаемого слияния раскола с православием».

2 Правила эти никогда не были напечатаны, и я полагаю, что экземпляр, подписанный маркизом Паулуччи и хранящийся в Прибалтийском генерал-губернаторском архиве, едва ли не единственный экземпляр. Замечательно, что не только остзейские чиновники, но даже сами раскольники совершенно не знакомы с этими правилами, допускавшими не только коллегиальное правление, но и печатание отчета. Последний раз выборные люди рижской общины напечатали свой отчет в 1829 году. У меня есть один экземпляр этого издания, составляющего ныне большую редкость даже в самой Риге, и из этого отчета я убедился, что «Совет Рижского старообрядческого общества, учрежденный на основании статей 1813 года августа 13 дня», управлял общественными делами по-иному, как стали управлять ими попечители. Например, те все печатали, а эти считают несовместным со своим достоинством допустить даже обревизование денежных книг выборными людьми, несмотря на то, что два случая затраты общественных денег не в общественную выгоду и ходящие по городу толки давно говорят о настоятельной необходимости произвести хорошую ревизию по всему управлению общественным имуществом и богадельней.

3 Лучшим доказательством ничтожества таких обещаний служат попытки присоединенных просить правительство о возвращении снова в раскол. Н. Л-в.

О раскольниках г. Риги. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
4 В последнее время, мне кажется, на практике это отменено, и я слышал, что в Вилькомире (Ковенской губ.) раскольниками замещены должности ратманов, бургомистра и добросовестных. Мне рассказывали об этом раскольники из Риги и Динабурга, но за достоверность этого я, разумеется, ручаться не могу. Н. Л-в.

5 Популярность губернатора Этингена очень велика не только у рижских, но и у всех остзейских раскольников. Она особенно возросла с тех пор, как г. Этинген отстаивал право общины обревизовать финансовую деятельность нынешнего попечителя Петра Андреевича Пименова. Общий голос уверяет, что разрешение, данное Этингену на обревизование книг депутациею, составленную из четырех членов общины, отменено распоряжением барона Ливена по ходатайству попечителя, назначаемого правительством, кажется, только потому, что ходатайство это шло не через попечителя и, таким образом, задержало его щекотливое самолюбие. Но в среде добывающихся ревизии ходатайство этого попечителя об отмене разрешения, данного Этингену, объясняется такими побуждениями, что попечитель от правительства, человек, кажется, весьма чистый от бросаемых на него подозрений, теперь сам бы должен просить немедленного разрешения ревизии книг и всего хозяйственного управления общественным имуществом. Не говоря о том, что это требование совершенно справедливо и законно, исполнить его необходимо даже в видах ограждения репутации правительственного попечителя от неблагоприятных и, вероятно, совершенно неосновательных нареканий. Если этот чиновник не имел никаких других побуждений противодействовать разрешенной г. Этингену ревизии, то он сделал огромную ошибку, дав волю своему щекотливому самолюбию. В его положении это непросительно, и ему это вряд ли скоро простят, если он не найдет средств все хорошенько поправить.

6 Когда составлялась эта записка, из Риги пришло известие, что жандармский полковник Андреянов учредил рижским раскольникам книгу на записку пожертвований в пользу ожидаемой школы и что подписка идет чрезвычайно успешно. Ломоносов записал 5 тысяч, Беляев тысячу, эконома общины Тузов тысячу, Ап. Попов оба по сту рублей в год. Но деньги всякий еще хранит у себя, боясь, чтобы с ними не сделали чего другого.

7 Необходимое условие (Лат.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!